

ФЛАВИЙ КРИСП

Книга входит в шеститомник «Чаша императора»

Книга вторая

Глава 1

Босфор. Византий. 324 год от рождества Христова

Лучи восходящего солнца ярко освещали картину безмятежно почивавшего города в удивительном по красоте заливе прозванным греками «Хризокерас». Улицы, рынки, форум и даже иные дома, выглядели совершенно безлюдными. По этой причине, оживление царившее на городских стенах окружающих со всех сторон город выглядело по меньшей мере не совсем обычно. А правильнее будет сказать, «на одной стене», обращённой лицом к заливу. Сотни людей приложив руку ко лбу или просто указывая ею в сторону залива, возбуждённо переговаривались. Причина столь сильного любопытства состояла в...Римском флоте. В непосредственной близости от зрителей разворачивались масштабные манёвры. Десятки военных судов среди которых более всего преобладали «Триеры», выстраивались в боевые порядки, напротив той самой стены, перекрывая тем самым весь пролив от одного берега до другого. Некоторые из тех, что стояли на стенах, пытались подсчитать количество судов. Однако добравшись до пятидесяти, как правило, сбивались со счёта. Маленькие галеры почти не привлекали внимания. На галерах отсутствовали мачты. Не имелось палубы. Лишь один ряд гребцов. Большое рулевое весло на корчме и не более двух десятков либурнарии или как их ещё называли «морские легионеры». Либурнарии отличались от обычных легионеров лишь вооружением. Сюда можно было добавить и несколько моряков управляющих судном. Вот и всё оснащение галеры. В отличие от галер, триеры выглядели гораздо внушительней. Три яруса с гребцами. Соответственно, три ряда весел. Каждый последующий длиннее предыдущего. Борта обитые бронзовыми пластинами. Загнутый нос на котором реял Римский орёл. Под ним, над самой кромкой воды – длинный таран, основная ударная сила триеры. Мачта с парусами. На верхней палубе находились не менее 100 морских легионеров, или полноценный центурий. Так же на палубе имелся один Баллист и Катапульта. Но наибольший интерес вызвали две «Пентеры». И было отчего. На палубе возвышались четыре боевые башни и восемь катапульта. Не менее когорты легионеров и пять ярусов с гребцами. При этом на верхних ярусах можно было видеть трёх гребцов за одним веслом. Пентеры были снабжены тремя

мачтами, но даже это обстоятельство не позволяло им двигаться вполовину так же быстро как и Триеры. Было хорошо видно с каким трудом это огромное судно совершает поворот, вставая в одну линию с остальными судами.

Пока происходил этот манёвр, с другой стороны пролива показались паруса. Их становилось всё больше и больше. Очень скоро вид новых судов привлёк внимание, а вернее обеспокоенность и тревогу жителей Византия. Видимо их вид обеспокоил и римлян. С одной из Пентеры спустили на воду лодку. Шесть гребцов быстро погнало её в сторону берега.

Тишину и полную безмятежность, внезапно нарушил... детский плач. Он тут же прервался, но спустя мгновение раздался снова и на сей раз больше не прекращался. С постели поднялась молодая девушка лет восемнадцати с распущенными волосами. Набросив на обнажённое тело шёлковую накидку, она подошла к колыбели, в которой надрылся младенец. Она уже собиралась взять его на руки, когда появилась полная женщина с заспаным видом. Она бережно вытащила младенца из колыбели и прижав к груди, ушла за тот самый полог из-за которого и появилась. Он служил своего рода перегородкой между спальней и местом для слуг. Именно местом, ибо все события происходили в шатре. Проводив кормилицу своего сына коротким взглядом, Елена, так звали юную особу, перевела взгляд на догоравшие свечи. В её глазах стала появляться тоска. И эта тоска обрушилась в сторону постели. Одна сторона была пуста, ибо её покинула Елена. Вторую же занимал безмятежно спящий молодой человек, её супруг. Подобно супруге он спал обнажённым. Даже мимолётный взгляд без труда смог бы выхватить высокий рост и крепкое тело. Светлые волосы слегка курчавились, несмотря на короткую стрижку. Черты лица...их без всякого сомнения следовало признать притягательными или красивыми. Хотя одно не исключало второго. Ещё более подчёркивало правильные черты – безмятежность. Дыхание почти не ощущалось. Лишь грудь едва заметно вздымалась.

– Боги не допустят твоей гибели, супруг мой, – прошептала Елена опускаясь на край постели и устремляя на спящего взгляд полный нежности и любви. Удивительное мгновение...и полное очарования, внезапно нарушил резкий голос, раздавшийся неподалёку:

– Флавий Сет. Именем императора я требую пропустить меня к Цезарю!

Елена и опомниться не успела, как в спальне появился мужчина лет сорока с мрачным лицом. Держа шлем под мышкой он стал оглядываться. Одновременно с его появлением, молодой человек проснулся и вскочив с постели, ринулся прямо на него:

– Прочь отсюда! – гневно процедил он сквозь зубы.

– У меня послание от императора, – раздавался в ответ высокомерный голос. А вслед за ним перед молодым человеком появился свиток с императорской печатью. – Я...

– Я знаю кто ты, Трибун. Прочь из моей опочивальни. Жди снаружи. Флавий Сет, бросил на молодого человека злой взгляд, но не послушаться не посмел. Едва он вышел, как в шатре раздавался голос полный тревоги:

-Крисп, что ты наделал? Это же посланник императора. Такой поступок никому не прощают. Если этот человек...

- Учитывая наше родство, можно не сомневаться что он это сделает при первой возможности. А если отец его не выслушает, это сделает Фауста. А уж она найдёт, как лучше преподнести мою дерзость императору, - невозмутимо перебил её Крисп. И это был тот самый Флавий Юлий Крисп. В свои двадцать два года он успел заслужить уважение армии и народа Рима. И не только за свои победы над франками, за которые был признан самым талантливым полководцем, но и за весёлый нрав. А более всего за справедливость и рассудительность. И если титул «Цезаря», он получил в качестве наследника Римского императора, то правителем Галии его назначили за вполне заслуженные успехи. Однако даже столь высокое положение не позволяло обходиться непочтительно с посланником императора. Именно об этом ему напомнила молодая супруга. И эти слова стали началом длинного диалога в котором Елена решилась высказать все свои сомнения и опасения. Беседа могла бы продлиться очень долго, если б она решилась сказать всё, что сумела увидеть и понять за неполные два года своего замужества. Но её смущало молчание Криспа. Он ей не отвечал. Лишь когда он попросил затянуть завязки стягивающие панцирь, она поняла причину. Он попросту её не слушал. В то время, когда она говорила, он попросту облачался в доспехи. Выполнив просьбу супруга, она получила в награду насмешливую улыбку и лёгкий поцелуй в губы. После этого Крисп покинул шатёр.

Четыре стража с копьями тут же вытянулись в струнку при его появлении. Флавий Сет стоял неподалёку с совершенно мрачным видом. Глядя на него, Крисп жёстко произнёс адресуя свои слова страже:

-В следующий раз убейте любого, кто попытается без позволения войти ко мне!

- Цезарь! - раздались в ответ ровные голоса. Приказ был понят и принят стражами.

Крисп заметил бледность на лице Флавия Сета. Он знал что тот доводится ему родственником, но по какой линии не имел представления, да и не имел желания выяснять это обстоятельство. Он лишь вытянул вперёд руку. Повинуясь этому жесту, Флавий Сет, подошёл и вручил ему послание императора. Он с некоторым злорадством смотрел на то с какой небрежностью сломал императорскую печать Крисп. Пока Крисп читал, Флавий Сет, вот уже в который раз бросил взгляд на большое количество палаток. Их здесь было не меньше ста. Они шли в три ряда. Через определённые промежутки в песок были вбиты знамёна с Римским Орлом и «белым Единорогом», символом двенадцатого легиона. Они гордо стояли прямо перед палатками под неусыпным наблюдением одного или двух легионеров. Само расположение лагеря с первого взгляда поразило императорского посланника. Несмотря на непосредственную близость моря, лагерь был расположен в боевых порядках. Три ряда, как правило, определяли тактику римлян. Первый ряд занимали наиболее молодые воины, второй - испытанные в бою, а третий - ветераны. Это не считая частокола и усиленной

охраны, которая тщательно проверяла весь берег и пространство позади лагеря. Такая предусмотрительность исключала любую внезапность нападения. И эти меры были предприняты несмотря на то обстоятельство, что в непосредственной близости от берега стоял на якоре весь Римский флот. Около двухсот боевых кораблей, среди которых преобладали триеры, но были также Пентеры и Гексеры, мерно покачивались на волнах, наглухо перекрывая подходы к заливу. Однако вид кораблей не столь впечатлял Флавия Сета, как вид легиона. Он долгие годы мечтал получить командование над одним из легионов, но так и не сумел добиться своей цели. По этой причине едва ли не с откровенной завистью оглядывал палатки.

Особая любовь наместника Галии к двенадцатому легиону была известна всему Риму, как и преданность легиона Криспу. И стоило ли удивляться, видя гордого Единорога рядом с шатром наместника. Все эти мысли проносились в голове Флавия Сета до той поры пока он не увидел седовласого мужчину в боевом облачении. Он узнал его. Это был командующий двенадцатым легионом, Квириин. Квириин принадлежал к старинному роду Римских патрициев и был известен как человек необыкновенного мужества и храбрости. За его плечами были десятки походов и сотни сражений. Этот человек был уважаем многими. Флавий встретил его приход кивком и короткими словами:

-Легат. Рад видеть тебя в полном здравии.

-Видно и тебя Боги берегут, трибун, - с неуловимой насмешливостью ответил Квириин.

Вслед за приветствиями раздался озабоченный голос Криспа.

-Этот приказ большая ошибка!

Флавий Сет с откровенным изумлением смотрел на то, как Крисп сворачивает послание.

-Это же приказ императора. Он не может быть ошибкой, - выдохнул Флавий Сет.

-Может. Все ошибаются. Возвращайся в Рим и передай на словах, что я сам решу, как следует поступить!

Крисп сделал движение рукой показывая что разговор закончен.

Флавию Сету, не понадобилось повторять два раза. Испытывая в душе ликование, он немедленно поспешил в сторону своего коня.

-Мятеж против императора? - негромко произнёс Квириин наблюдая за поспешным бегством трибуна.

-Едва ли? - ответил Крисп протягивая ему послание.

Прочитав его, Квириин устремил удивлённый взгляд на Криспа.

-Я не вижу ошибки. Решение предсказуемое и правильное, учитывая то обстоятельство, что на нас движется флот Лициния из 400 кораблей. Мы просто обязаны отступить, иначе флот будет истреблён.

-Император назначил меня командующим флотом, - спокойно ответил Крисп забирая у Квириина послание, - и я буду принимать решение.

-Стоит ли рисковать, Крисп? Если ты совершишь ошибку...- многозначительный взгляд Квириина досказал остальное. Крисп невесело усмехнулся.

-Лучше уж так, чем положение в котором мы окажемся подчинившись приказу. Если мы отступим, Лициний захватит Византий и закроет

пролив. Наши армии окажутся под ударами и с Севера и с Юга. И вдоль всей полосы будущих сражений будет курсировать вражеский флот. Какой прок тогда вообще от нашего флота? Мы сами себя поставим в безнадёжное положение. Единственный выход – дать сражение. Мы постараемся задержать их, а ты тем временем отведёшь легион в Византий.

–Неплохой план, – не мог не согласиться Квирина. – Но всё же я настоятельно советую подумать. В случае поражения тебя никто не простит. Слишком много людей при дворе завидуют твоей славе. А если одержишь победу, будет ещё хуже.

–Мне нет до них дела. Я лишь хочу служить Риму и своему отцу.

–Пожалуй я повторю твои слова прибавив к ним и тебя!

После слов Квирина раздался лёгкий смех. Они обменялись рукопожатием свойственным легионерам и понятными для обоих взглядами. После чего снова раздался голос Квирина:

–И когда приступаем к...мятежу?

–Похоже, уже приступили, – пробормотал Крисп наблюдая за лодкой которая стремительно приближалась к берегу. И он оказался прав. Едва лодка причалила к берегу, ему сообщили неприятную новость, о которой его предупреждал император.

Глава 2

Спустя некоторое время, оба, и Крисп, и Квирина, опёршись на борт, вглядывались вперёд. Особенно напряжённым выглядел Крисп. Он с неослабным вниманием следил за передвижениями вражеского флота. Количество судов внушало ему тревогу, но не такую сильную как оснащение судов. Видимо, Лициний отлично подготовился к встрече. Даже отсюда было хорошо заметно, насколько превосходят их враги. Повсюду катапульты и Баллисты. Груды ядер...и очень много солдат. Вся эта громада остановилась. Но не просто, а выстроившись в десять ровных рядов и тем самым обхватив весь залив. Десять рядов. В каждом не менее сорока боевых судов. Как и следовало ожидать, все корабли располагались по принципу «от сильного к слабому». Впереди каждого ряда находилась Пентера. Десять Пентер против двоих. Преимущество...слишком явное. Лициний приготовился на славу. Расстояние между рядами достаточное для прохода даже для такого судна как Пентера. Слово в ответ на свои мысли, он услышал голос Квирина:

–Представил что будет, если между этими рядами пустить наши судна. Перемелют как зерно на мельнице. Даже следа не останется.

–С тобой трудно не согласиться. Пройти между четырьмя десятками судов с катапультами? Да ещё с двух сторон? Даже у меня на такой манёвр глупости не хватит...

За их спинами раздался смех легионеров. Многие из них стояли на палубе и вглядывались в даль, а часть подобно Криспу и Квирина, прилипнув к бортам, смотрела на вражеский флот. Едва Крисп обернулся, как смех смолк. Он некоторое время сверлил глазами

легионеров. Те даже отошли от бортов и стали вытягиваться в струнку под его взглядом. Неизвестно что ими владело, но это чувство перешло в растерянность когда над палубой прозвенел голос Криспа:

- Вам всем смешно. Каждый из вас достаточно умён для того чтобы понять насколько глупа такая затея. И это хорошо. Очень хорошо. -И что здесь хорошего, Цезарь? - раздался рядом осторожный голос Квирина.

- У меня возникло чувство, что я не такой умный как вы, - Крисп бросил странный взгляд на своего спутника, а потом резко возвысив голос, приказал. - Передайте на все суда. Командующим незамедлительно прибыть на берег. Едем! - последнее слово было адресовано Квирина.

Мало что понимая в происходящем, он безропотно подчинился.

Одновременно с этим несколько твёрдый голос произнёс:

-Будет сделано, Цезарь!

Вплоть до самого берега, Крисп не проронил ни единого слова. С каждым ударом весёл по воде, Квирина бросал на него пронизательный взгляд, но так и не смог проникнуть в мысли Криспа. Смятение Квирина многократно увеличилось когда они пристали к берегу. Здесь без всяких объяснений и предисловий, Крисп заговорил тоном, не допускающим возражений:

- Поднимай своих людей. Обыщи весь город и деревни возле него. Забирайте всю посуду для хранения масла, какую только найдёте. Забирайте масло. Забирайте длинные копья, верёвки. Грузите всё на мулы и везите сюда. К полуночи твой легион должен быть на судах со всем, что вы соберёте.

-Мы не справимся, - едва ли не с ужасом воскликнул Квирина выслушав Криспа. Тот раздражённо махнул рукой.

-Забирай рабов. В общем, делай что хочешь, но выполни мой приказ в точности. Мы должны успеть. А если нет, погрузимся с тем, что успеешь привезти. Времени у нас мало. Да ещё...приведи одного быка. Я хочу принести жертву Марсу. Без его помощи нам не обойтись.

-Цезарь! - пробормотал Квирина. Он отошёл от Криспа, а через мгновение едва ли не бегом направился в сторону своей платки. Очень скоро по всему лагерю стали раздаваться звуки труб.

Легионеров звали на сбор. Крисп лишь мгновением наблюдал за действиями Квирина. Затем он устремил взгляд в сторону своего флота. От нескольких кораблей уже отделились лодки и направлялись в сторону берега. Издав непонятное восклицание, Крисп отправился в шатёр. Елена успела облачиться в платье и стоя встретила его появление. Крисп подошёл к столу и налив вина в кубок одним махом его опорожнил. Затем вытер тыльной стороной ладони губы и коротко бросил супруге:

-Позже поговорим. А сейчас собирайся домой. Ещё до наступления ночи ты должна покинуть лагерь. Оставаться здесь опасно.

-А ты? - Елена сопроводила свои слова мучительным взглядом.

-Брошу всё и поеду с тобой, - Крисп сострил забавную мину на лице.

-Как ты можешь? Шутить в такое время?

–А что не так? Всё как обычно, Елена. Врагов бывает или меньше или больше, но они есть всегда.

Елена, порывалась продолжить разговор, но больше ничего не успела сказать. Крисп покинул шатёр так же внезапно как и вошёл. Ей ничего не оставалось, кроме как подчиниться приказу супруга. Она позвала двух рабынь, что сопровождали её в поездке, и повелела собираться в дорогу.

Когда Крисп вышел из шатра, его встретили два приветственно вытянутых руки. Оба мужчин в военной форме носили звание трибуна.

Крисп приветствовал их, а затем попросил их следовать за ним. Он отвёл их за лагерь на свободное пространство и здесь, к удивлению трибунов, вытащил короткий меч и опустившись на корточки, стал вырезать на земле какие-то квадратики. В то время пока он сосредоточенно вырезал непонятные знаки, к ним, один за другим стали присоединятся остальные командующие судов. И всегда это действие происходило одинаково. После короткого приветствия у вновь прибывшего появлялось на лице ярко выраженное удивление. Вслед за остальными он устремлял взгляд на Криспа. Тот не переставая вырезал квадратики. Чуть позже, он отошёл на несколько шагов и вновь принялся их вырезать, теперь уже на другой стороне. Понемногу присутствующие начали понимать смысл этих действий. Квадратики выстраивались в точности так, как стояли судна обоих флотов. Для многих стала очевидным существование некоего плана. Видимо именно об этом и хотел с ними поговорить Цезарь. Прошло немало времени, прежде чем все собрались. Двести образовали большой круг в центре которого находился Крисп. Он поднялся и окинув всех коротким взглядом громко заговорил:

–Вы все видели флот Лициния. Думаю мне не надо объяснять, что именно может произойти, если они двинутся вперёд. Нам их не остановить. Значит, единственная возможность победить – это ударить первыми.

Сразу после этих слов раздались громкие выкрики:

–Но Цезарь, как мы сможем победить ударив первыми? Разве не будет хуже, если мы это сделаем? Не лучше ли просто отвести флот из залива? Никто из нас не видит способа одолеть флот Лициния... Крики продолжали раздаваться, но они смолкли едва Крисп поднял руку призывая к молчанию.

–Следите внимательно, – выразительно произнёс он направляясь к той группе квадратиков которые вырезал первыми. Указывая на них кончиком меча который он держал в правой руке, Крисп заговорил ещё громче. –Флот Лициния выстроился в десять рядов. Каждый ряд насчитывает сорок судов. Обычное тактическое построение. И что самое приятное, даже расстояние между рядами в точности соблюдено. Иными словами говоря, вздумай мы пройти между этими самыми рядами, у нас ещё останется немного лишнего места по обе стороны. И хотя это обстоятельство используется лишь с целью усилить удар или по меньшей мере не потопить собственные суда при атаке, мы с вами можем использовать это в несколько иных целях. Смотрите внимательней, – ещё более возвысил голос Крисп.

Но и без его слов все с неослабным вниманием следили за каждым его движением.

-Для начала нам необходимо уравнять силы..

-К нам идёт помощь? – раздался чей – то радостный возглас.

Крисп расхохотался услышав эти слова.

-Нет, – ответил он, – но мы всё же можем попытаться уравнять силы. И вот как. – Он снова ткнул мечом в сторону квадратиков изображающих вражеский флот. – Мы с вами выстроим судна в точности, как и Лициний. В десять рядов. Правда у нас будет двадцать судов в ряду. Но этот маленький недостаток можно восполнить, если мы пройдем между рядами.

-То есть все наши суда должны пройти сквозь ряды кораблей Лициния? – раздался обескураженный голос.

-Именно так, – подтвердил Крисп.

-Нас же попросту в куски разнесут. Если конечно не уничтожат при подходе.

-Нет, если мы сделаем это с умом, – громко ответил Крисп и так же громко продолжал развивать свою мысль. При этом его меч стал постоянно перемещаться от одних квадратиков к другим. – Слева они, справа мы. Мы выстраиваемся в десять рядов и идём прямо на проходы. Понятно, что при свете дня у нас не будет возможности победить, но ночью...всё может измениться. Поэтому мы пойдём ночью. Пойдём так тихо, как только сможем. Никаких катапульта, ничего такого, что может вызвать сильный шум. Даже если наш манёвр будет обнаружен, не думаю, что в темноте наши враги смогут нанести нам серьёзный урон. Мы же будем готовы ударить. И вот каким образом. Мы приготовим заранее длинные копья, шести, всё что угодно. Прикрепим к ним ведра, посуду наполненные маслом. Проходя между рядами, мы подожжём их и сбросим на судна Лициния. И здесь мы получим ещё одно очень серьёзное преимущество. Когда разгорится огонь, мы будем ясно видеть их всех, они же будут лишены такой возможности. И потому, как только масло будет сброшено, в бой вступят лучники, а при необходимости пойдём и на abordаж. Для этого следует заблаговременно подготовить abordажные «вороны». И не меньше чем два на каждое судно. Не стоит забывать, что мы будем атаковать каждое вражеское судно с двух сторон. Но abordаж только в самом крайнем случае. Мы должны пройти так быстро как только сможем и нанести как можно больше урона суднам Лициния. Если нам удастся это сделать, тогда мы сможем ударить во второй раз уже Катапультами и Баллистами. Им же придётся больше бороться с огнём нежели с нами. Здесь остаётся добавить последнее. Времени у нас почти не остаётся. Уже завтра нас могут атаковать. По этой причине мы должны напасть этой ночью. Я распорядился по поводу всего, что нам может понадобиться для будущего сражения. Всё это будет погружено на наши судна до наступления темноты. Все лодки должны быть направлены к берегу, как только вы вернётесь назад. Я так же решил использовать свой личный резерв – двенадцатый легион. Они будут размещены на суднах которые пойдут первыми. Когорта на каждое судно. Их удар станет первым. Потому что именно этот удар будет определять

исход всего сражения. Ну а теперь, нам остаётся выбрать десять судов, которые пойдут первыми и обсудить возможные варианты развития событий.

Военный совет продолжался ещё какое-то время. По сути сам план был полностью одобрен всеми. Он был рискованным но в случае удачи мог принести им победу. Поэтому обсуждались в основном отдельные детали. Когда обсуждение закончилось, все стали возвращаться на свои суда для того чтобы как следует подготовиться к ночному наступлению.

Глава 3

-Смотри, Цезарь!

Проследив направление, которое указывал Квирин, Крисп широко усмехнулся. Он сразу понял что именно имел в виду его друг.

-Пусть смотрят, - беззаботно отозвался Крисп, - бьюсь об заклад, что Лициний сейчас посмеивается полагая будто мы от испуга перед его флотом затеяли всё это.

В конце речи Крисп указал рукой на большое скопление лодок. Берег же перед лодками напоминал настоящий муравейник. Тысячи людей трудились не покладая рук. Всё свободное пространство перед лодками было завалено медной посудой, горами всевозможных копий и верёвок. Отдельно стояли огромные кувшины с маслом. Как только лодка наполнялась, она тут же отправлялась в сторону судов и через короткое время возвращалась назад уже пустая. Крисп некоторое время наблюдал за работой, а потом пробормотал под нос но достаточно громко для того чтобы стоявший рядом Квирин услышал его слова.

-Нам не управиться полностью. Проследи чтобы всем судам досталось поровну. А это, - Крисп указал на кувшины с маслом, - слегка изменит наши планы. Пусть на всех судах которые пойдут первыми, установят один такой кувшин на катапульте. Если нас обнаружат раньше времени, он станет достойным ответом. Да и поторопи всех.

- Приказ будет выполнен, Цезарь, но не раньше чем я увижу твою схватку с быком!

Крисп похлопал Квирина по плечу и жестом пригласил следовать за собой. Один за другим направились в сторону палатки Легата. Прямо перед ней был вбит кол к которому привязали большого белого быка. Те немногие легионеры которые всё ещё оставались у палаток, с откровенным интересом следили за действиями Криспа. И не только. Люди возле лодок всё чаще и чаще посматривали в его сторону. Приблизившись к быку на расстояние десяти шагов, Крисп сбросил верхнюю одежду. Обнажённый по пояс он выхватил меч чувствуя как во всём теле нарастает напряжение и азарт предстоящего поединка. На глазах у всех, он перерезал верёвку, освобождая тем самым быка. Он был свободен, но не двигался с места. Лишь настороженно наблюдал за происходящим. Крисп бросил долгий взгляд на быка, а затем развёл руки в стороны и задрал

голову кверху, закричал:

-Марс, прими мой дар и помоги нам победить!

Не успели отзвучать эти слова, как Крисп резко и бесшумно бросился к быку. Бык наклонил голову встречая его приближение рогами и грозным видом, но...последовал быстрый бросок гибкого тела а вслед за ним раздался короткий свист. Меч вошёл в шею быка по самую рукоятку, пронзив её насквозь. Из гортани показалось острое меча с которого струилась кровь. Бык рухнул замертво, не издав ни единого звука. Крисп наклонился над быком, но лишь для того чтобы вытащить обратно свой меч и тут, услышал восхищённый голос Квирина:

-Боги тебя любят, Цезарь. Не припомню такого точного удара.

-Отдай быка рабам. Пусть этой ночью устроят пир в честь Марса. Нас же ждёт пиршество на кораблях Лициния.

Слова Криспа слышали все легионеры. Даже те что находились на берегу. Крисп нарочито произнёс их громко. И действие принесло желанные плоды. Все заработали с удвоенной силой в предвкушении будущей добычи.

Расставшись с Квирином, Крисп поспешил к своему шатру. Здесь уже всё было готово для отъезда. Восемь крепких рабов, по четыре на каждые носилки. Одна была предназначена для Елены, вторая для кормилицы с сыном. Восемь верховых легионеров которые должны были охранять супругу Цезаря. Несколько мулов с пожитками и две личные рабыни Елены. Кормилица с сыном встретила его у самого порога шатра. Поцеловав сына, Крисп указал ей на носилки. А затем вошёл в шатёр. Елена стояла посередине, дожидаясь его прихода. Она была полностью готова к отъезду.

-У тебя кровь, - испуганно вскричала она увидев Криспа.

-Это всего лишь кровь быка, - ответил Крисп. - Я принёс жертву Марсу, и он её принял. Осталось разбить Лициния.

Крисп широко улыбнулся.

-Неужели ты совсем не испытываешь страх? - вырвалось у Елены.

-Всю жизнь мечтал стать трусом. И вот наконец, такая возможность представилась. Завтра же сбегу отсюда, только...скажу несколько слов Лицинию по поводу его желания стать императором.

Как ни держалась Елена, но так и не смогла удержать широкой улыбки. Она бросила на Криспа взгляд полный любви.

-Так - то лучше, - пробормотал Крисп заметив этот взгляд.

-Я люблю тебя!

-Я знаю, - Крисп подошёл к супруге и вытянув руку легко коснулся ею лица, - я всё вижу и знаю Елена. И ты знаешь, что кроме тебя и нашего сына мне никто не нужен. Вы наполняете мою жизнь светом. Но тебе нельзя здесь оставаться. И не потому что я боюсь проиграть. Твоё присутствие делает меня слабым. И это для меня гораздо страшнее Лициния.

Их губы слились в долгом поцелуе. Отстранившись от супруги, Крисп прошептал ей на ухо:

-В Рим не заезжай. Я не хочу чтобы ты поехала в наш дом.

Отправляйся прямиком к своему отцу. И запомни. Никому не говори о своём приезде. Пусть и твой отец хранит молчание. А лучше пусть найдёт для тебя место, о котором никому не известно. Я

пошлю весточку твоему отцу когда всё закончится. Это всего лишь небольшая предосторожность. У меня слишком много врагов. Если я потерплю поражение, тебя и ребёнка могут попытаться убить. Мы должны предвидеть и такое развитие событий. Ты всё поняла, Елена?

Она с пониманием кивнула.

–Тогда езжай. И береги нашего сына!

Крисп ещё раз поцеловал супругу. Она же обхватив руками его шею, заплакала. Всё ещё плачущую супругу, Крисп проводил к носилкам. Он сам откинул полог и помог ей устроиться. Едва это произошло, как он подал знак одному из легионеров, а затем стоял и смотрел на маленький караван который с каждым мгновением становился всё меньше и меньше. Не дожидаясь пока он совсем исчезнет из виду, Крисп вернулся в палатку. Здесь он наклонился над медным тазом с водой и стал оттирать кровь с груди. Он всё ещё занимался этим, когда на него упали две тени. Одна большая, другая маленькая. Крисп повернул голову. У порога стояли два совершенно разных человека. Один выглядел ровесником самого Криспа. Он имел небольшой рост, худощавое лицо с высоким лбом и выразительные чёрные глаза. Молодого человека звали «Демиус». Необычное имя для еврея коим он и являлся. Демиус, вёл всю переписку при Криспе. К тому же он отлично разбирался в картах и владел различными диалектами. Попросту говоря, этот человек был очень умён. Беседуя с ним, Крисп всегда получал удовольствие. Второго звали Артемий. Он был выше на голову самого Криспа и обладал могучим телосложением, но не слишком выразительной внешностью. Особенно бросался в глаза приплюснутый нос который к тому же был необычайно широк. Артемию минуло 30 лет, последние пять из которых он состоял при Криспе. Крисп выбрал его в свою личную стражу из – за недюжинной силы, но впоследствии крепко привязался к Артемию. Ровно как и к Демиусу. Оба были беззаветно преданы ему и пользовались полным доверием Криспа. И хотя на людях, Крисп высмеивал любое упоминание о своих возможных врагах, он являлся человеком весьма рассудительным и всегда старался предвидеть возможные события. Именно эти качества и привели его к мысли тайно послать ко двору отца Артемия и Демисуса. Второй должен был разузнать обстановку при дворе, а первый проследить за тем, чтобы с ним ничего не случилось. Он их отправил в Рим несколько месяцев назад из Галии, ещё до своего прибытия в Византий в качестве командующего флотом. И вот они здесь. Оба грязные и наверняка голодные. Крисп по очереди обнял обоих, а затем усадил за свой стол, где всегда стояло блюдо с мясом и кувшин доброго вина. Он не мог не улыбнуться, наблюдая за тем, с какой жадностью они поглощают пищу. Крисп не задавал вопросов. Хотя все его мысли занимало будущее сражение, ему не терпелось узнать что происходит при дворе. Упоминает ли о нём отец? Он едва не вздрогнул от неожиданно раздавшегося голоса Демиуса:

–Всё гораздо хуже чем мы думали, мой Цезарь, – Демиус допил вино и почти сразу устремил на Криспа тревожный взгляд. – У вас много недругов при дворе. Тайных и явных. Самая опасная из всех, ваша

мачеха, императрица Фауста. Сама она ничего не говорит императору, но её окружение только и делает, что пытается очернить вас перед императором. Они завидуют вашим успехам. Однажды об этом и император сказал. И казалось, что он вас защищает, но...пошли слухи, будто окрылённый победами Флавий Крисп решил сам стать императором Рима. Эти слухи дошли до слуха вашего отца, императора. И тут всё изменилось. Он стал откровенно и прилюдно отзываться о вас с недовольством. И это недовольство ежедневно подпитывается окружением императрицы. Я своими ушами слышал, – продолжал Демиус, понизив голос, – как племянник Фаусты заявил, будто ваши дни мой Цезарь уже сочтены. Наследником престола станет один из ваших сводных братьев. По его словам, будто бы сам император так решил.

Крисп мрачнел с каждым мгновением всё больше. Все его подозрения оправдались. Отца настраивают против него. Однако, до сей поры он не давал ни единого повода для подозрений. Он всегда и во всём покорно выполнял его волю. Этот случай стал исключением. Крисп поморщился. «Будь всё проклято, – думал он, – если бы я узнал всё это вчера, так не стал бы противиться воле отца а попросту отвёл бы флот без сражения. Теперь же в случае если флот будет разгромлен, можно не сомневаться какими будут последствия. Оставалось порадоваться за свою предусмотрительность в разговоре с Еленой.

– Это лишь полбеда, – донёсся до него голос Демиуса, – не меньшую опасность для вас представляет христианин Евсевий. Он неотлучно находится при императоре и оказывает на него серьёзное влияние. Император даже распорядился вышить христианский крест на своих знамёнах.

– И что здесь плохого? – удивился Крисп. – Я сам слышал рассказ отца о том, как ему явился плавающий крест. Это был знак его будущих побед и величия.

– Эти люди опасны мой Цезарь, – возразил не раздумывая Демиус. – Не так давно все христиане подвергались гонениям. Сейчас же всё изменилось. Император дал им власть. Многие из христианских священников стали получать жалованье из императорской казны. Сейчас они говорят о своей вере как о единственной правильной. Остальных Богов они поносят. Я сам стал свидетелем расправы христиан над человеком который осмелился сказать, что не признаёт их Бога. Они убили его. А ведь не так давно только и говорили как о любви и прощении. Император, не без помощи Евсевия, всячески поощряет действия христиан. Идут слухи, будто бы он собирается собрать их вместе, дабы утвердить единую веру в империи.

– Это всё? – коротко осведомился Крисп.

– Нет. Ещё говорят, будто император собирается переименовать Византий в Константинополь, и перенести сюда весь двор. Он распустил преторианцев, тем самым лишив сенат власти. Его могущество возрастает, а вместе с ним и могущество христиан.

– Далась тебе эти христиане, – с откровенной досадой произнёс Крисп. – По мне, так пусть будет любой Бог. Я выберу того, кого пожелаю.

-Мой Цезарь...

-Твой Цезарь хочет хорошо отдохнуть перед битвой, - резко перебил Демиуса Крисп.

-Прости меня, - Демиус покорно склонил голову.

-А ты ничего не хочешь сказать? Ты ведь и слова не произнёс, - Крисп устремил взгляд на Артемия. Тот лишь пожал плечами и коротко ответил:

-Я не люблю разговаривать, мой господин!

-Отличное качество, - заметил Крисп.

Следом за этими словами, он разлёгся на постели прямо в одежде и заложив руки за голову, закрыл глаза. О продолжение разговора не могло быть и речи. Оба, стараясь не шуметь, почти сразу же последовали его примеру. Они улеглись прямо на полу рядом с Криспом и заснули.

Глава 4

Ночной Босфор отсвечивал сиянием тысяч и тысяч звёзд, в которых словно купались сотни кораблей. Яркая луна лишь усиливала это удивительное впечатление, обволакивая залив мягким светом. И всё это плавно покачивалось под воздействием лёгкого бриза. Ровные ряды и совершенно одинаковое построение с двух сторон, ещё более подчёркивали красоту картину, придавая ей при этом некую торжественность. Расстояние между флотами едва ли превышало пять тысяч локтей. Триера могла преодолеть такое расстояние меньше чем за час. И если на одной стороне царило полное спокойствие, на другой происходило нечто, что большое походило на таинственный обряд.

То и дело мелькали вёдра. Тысячи людей окатывали друг друга потоками воды. Они поливали ею палубу судна и накрывали борта тяжёлыми воловьими шкурами, насквозь пропитанными морской водой. Крисп лично и очень внимательно наблюдал за такими действиями. По опыту он знал насколько важно правильно подготовиться к будущему сражению. Иногда именно предусмотрительность в таком тонком вопросе решал и сам исход сражения.

Судно на котором ему предстояло идти в бой, было пятым по счёту в первом ряду, если смотреть со стороны Византия. Справа от него располагался Квирин. Эти две Пентеры и должны были стать главной ударной силой в центре. Крисп не упускал ничего из виду. То и дело на судне мелькал его серебристый шлем с римским орлом и белый плащ. Он всё время двигался. И не без труда. Свободного пространства на судне почти не имелось. Большая часть была занята вооружёнными легионерами. По пятам за ним шли два легионера с факелами. Стоило ему остановиться, как сразу же они освещали место, которое привлекло его внимание. Таким образом, он перемещался по всей палубе. Крисп особенно тщательно осмотрел Катапульту. И тому имелась причина. Порой случалось, что она срывалась с места и проломив борт падала в море, тем самым уничтожая и сам корабль. Стягивающие её канаты внашумали доверие.

Деревянные колёса были наглухо прикреплены к палубе. Рядом стоял большой кувшин с маслом. Он в свою очередь был прикреплен к самой катапульте верёвками. Крисп приказал накрыть масло смоченной воловьей шкуры. Вздумай она загореться, пришлось бы очень нелегко. А огня будет немало, – думал он переходя к боевым башням. Их вид вызвал у него довольную улыбку. Лучники на месте. Запас стрел приготовлен. Длинные копья сложены у самых бортов. В шаге от них стояли вёдра и горшки, наполовину наполненные маслом. У всех горловина была накрепко завязана верёвкой. Другой конец был сооружён в виде петли. В нужный момент её просто набрасывали на кончик копья и затягивали. Иными словами говоря, почти всё было готово. Оставалось решить, что делать с гребцами и вёслами. Движение судна должен был обеспечить лишь нижний ярус с самыми короткими вёслами. Два яруса оставались без действия. Это было вынужденное решение. Длинные вёсла могли попросту зацепиться за вражеское судно и тем самым остановить их продвижение. Что могло привести к поражению. Да и меньше шума. Причин для такого решения имелось немало, однако Крисп размышлял недолго: Оставим как есть, – думал он. – Они могут понадобиться в любое время.

Он остановился позади башни что стояла на корме и задрал голову кверху. Луна светила слишком ярко. И это обстоятельство могло сильно осложнить их положение.

– Цезарь, – рядом с Криспом возникла фигура Демиуса. Его голос был едва слышен, а слова предназначались только для уха Криспа.

– Ты должен знать. Многие считают твой план безумием. Они сравнивают его с прохождением виновного сквозь строй своих товарищей, где каждый отвешивает ему добрый удар палкой.

– Вот как? – задавая этот вопрос, Крисп возвысил голос настолько чтобы его слышали все на судне. – Мой план сравнивают с прохождением виновного сквозь строй? – Он повернул голову в сторону Демиуса и с той же громкой нарочитостью продолжал. – Тот кто сделал такое сравнение, глуп от рождения. Известно, что ума в долг взять нельзя, иначе бы он понял разницу. Для начала, мой дорогой Демиус, идёт не один связанный пленник, а вооружённый отряд готовый не только встретить палку, но и опередить её. Уже одно это обстоятельство вполне способно уничтожить этот самый строй. Потом, они не знают когда надо бить. Представь к примеру...сорок легионеров с палками которые не знают когда нужно нанести удар и не очень хорошо видят пленника. Согласись, что будь он даже один, у него появится возможность нанести ущерб своим противникам и скрыться. Ну а если, он будет знать, что в конце испытаний, его ждёт не смерть, а золото...бьюсь об заклад что многие из нас смогли бы пройти сквозь этот строй.

Крисп видел как после его слов многие воодушевились. Послышался громкий смех. Люди оживлённо заговорили между собой при этом прекращая работы. А Демиус...он только и мог что бросить восхищённый взгляд на Криспа. Тому удалось без особых забот внушить своим людям уверенность и спокойствие.

Бросив ещё один взгляд на луну, Крисп воодушевился. Появились тёмные пятна. А вслед за ними, вокруг стала гораздо темнее, но

всё ещё недостаточно для того чтобы подойти незамеченными к флоту Лициния. Однако тянуть более было нельзя. И Крисп поднял руку давая знак к началу боевых действий. Едва рука Криспа взметнулась в верх, как у обоих бортов появились люди с факелами. Размахивая ими, они стали подавать условленные знаки на остальные суда. А следом за знаками над водой пронёсся приглушённый голос:

-Начинаем! Расстояние между судами пятьдесят локтей!

Спустя небольшое время, раздался звук опускаемых в воду вёсел. Ещё мгновение и шум воды возвестил о том, что десять первых судов Римского флота двинулись в атаку.

Глава 5

Крисп стоял на носу судна, и пригнувшись следил за флотом Лициния. Самое важное состояло в том, чтобы они не догадались раньше времени о том, что происходит. И судя по положению судов противника и тишине, им пока сопутствовал успех. Расстояние между флотами тем временем быстро сокращалось. Крисп десятки раз подумывал о том, чтобы ускорить ход судна, но по многим соображениям решил не делать этого. Такой шаг мог вызвать лишний шум и сбить ход судов, которые шли вслед за ним. А ведь очень многое зависело от того, как и сколько судов смогут дойти до конца. То, что пройдут не все, было ясно с самого начала. И это обсуждалось отдельно на совете. Те суда, которые не смогут пройти должны были атаковать противника в меру своих сил и там, где это только возможно.

Крисп шёпотом подозвал командующего Пентерой. Когда тот появился позади него, Крисп бросил только одно слово:

-Готовьтесь!

Тем временем, на судах противника замелькали огоньки. Они уже сблизилась настолько, что до них стали доноситься голоса. По всей видимости, их манёвр обнаружили. Однако пока они сумеют приготовиться для защиты, пока передадут сообщение на другие суда. Если успеют передать, - поправил себя Крисп. Опёршись о борт, он зорко следил за всем, что происходило впереди. Его левая рука до боли сжимала рукоятку меча, а плащ развевался на ветру подобно знамени. Он и было знаменем для всех, кто находился позади него и рядом с ним.

Расстояние сократилось настолько, что были видны очертания людей снующих по палубе.

-Начинайте! - изо всех сил закричал Крисп.

Пронеслось одно короткое мгновение и...барабанный бой буквально взорвал ночную тишину. Судно мгновенно ожило. У бортов появились десятки людей с зажжёнными факелами. Прошло ещё несколько томительных мгновений в течение которых всё вокруг обрело бешенный ритм. Судно Криспа поравнялось с проходом, а затем плавно скользнув в него, двинулось между строем кораблей противника. Одновременно с этим стали раздаваться дикие крики. С

обоих бортов полетели сотни горшков и вёдер с горящим маслом. Часть из них ударились об борта кораблей. Их сразу же охватило пламя. Другие упали на палубу. Масло, а вместе с ним и языки пламени стали расползаться во все стороны. И лишь самая малая часть, не долетев упала в воду. Одновременно с этим несколько человек прикрыли Криспа со всех сторон щитами. Но не только. Большая часть легионеров расположилась вдоль бортов, и прикрывала щитами других, которые спешно готовили новую атаку. С кораблей противника стал сыпаться град стрел. Крисп слышал, как они ударялись о щиты. Прикрытый со всех сторон, он мог лишь видеть то, что происходило впереди настолько, насколько позволял лунный свет. Но и этого хватило чтобы почувствовать относительное спокойствие. Впереди вообще ничего не происходило. Проход оставался полностью свободным. Видимо, противник так до конца и не понимал главный замысел этого удара. Крисп осознавал опасность, но не мог и не желал от неё прятаться. Он должен видеть происходящее, иначе не сможет принять правильное решение. –Щиты прочь! – закричал он во весь голос. Как только приказ был выполнен, он бросился на корму, где судя по шуму шёл ожесточённый бой. Достигнув кормы, он застыл, испытывая одновременно и удивление и радость. Часть гребцов высыпала на палубу. Они голыми руками хватали горящие горшки и перебрасывали их на корабль противника. Следом в бой вступили лучники. Туча стрел понеслась по направлению следующих двух кораблей противника, мимо которых им предстояло проплыть. В это время, в проходе показался ещё одно Римское судно. Крисп видел как они продолжили атаку на горящие корабли противника. Однако как они ни пытался понять, что происходило в остальных девяти проходах, ничего не получалось. Шум стоял невообразимый. Вместе с огнём появился и дым. Да ещё темнота...не оставалось никакой возможности понять происходящее в других местах. Оставалось только двигаться вперёд и нанести как можно больший урон противнику. На этой мысли Крисп и сосредоточился. Его судно шло тем же ходом и пока не получило ни одного повреждения. Но это было лишь начало. Так думал Крисп. Сокрушительный удар мог последовать в любое время и уничтожить все планы. Эта мысль заставляла его носиться по всему судну и громким голосом раздавать приказания. Наиболее часто его видели на носу высматривающего путь. Крисп ожидал, что противник догадается преградить им путь и втянет в затяжные бои. И каждый раз видя, что его опасения не оправдываются, он с ещё большим воодушевлением направлял действия людей. Во многом благодаря именно ему, судну удавалось не только продвигаться вперёд, но и наносить значительный ущерб. Горящее масло нескончаемым потоком перебрасывалось на корабли противника. Пожары возникали один за одним. Жар был настолько сильный, что даже воловьи шкуры не загорелись. Приходилось их постоянно поливать водой и следить за тем, чтобы пламя не перебросилось на судно. Но не только. То и дело раздавался своеобразный свист. Видеть стрелы не представлялось возможности. Поэтому чаще всего о пущенной стреле говорил этот самый свист или очередной крик несчастного который стал её жертвой. Впрочем, таких случаев было немного. Больше

частью стрелы пролетали мимо. Если уж они видели то, что происходит только впереди и по обе стороны от судна в пределах ближайших двух противников, так сами противники были лишены и такой возможности. Оттого им и удавалось проходить без серьёзных повреждений. Как правило, противники их видели лишь тогда, когда было уже слишком поздно что – либо предпринять. Корабль внезапно выныривал из темноты и дымовой завесы, закидывал огнём и не останавливаясь шёл дальше. Идущий следом корабль проделывал тоже самое. Удача сопутствующая им на протяжении всего этого времени, отвернулась. Когда Криспу доложили что масло заканчивается, он приказал пустить в дело тот самый большой кувшин, который берёт для катапульты. А когда и содержимое кувшина было израсходовано, он приказал бросать факелы и всё что может гореть. Скоро вообще ничего не осталось. И тогда удача снова вернулась на борт. Судно вынырнуло из прохода, почти без потерь миновав смертельную опасность. Оно некоторое время шло прежним ходом, а затем Крисп приказал повернуть судно носом в обратную сторону. Как и задумывалось, он собирался ударить по флоту Лициния уже с тыла. Манёвр опасный, так как они могли столкнуться со своими же судами, которые выходили из прохода. Но времени на предосторожности не оставалось. Как только корабль развернувшись, остановился, всем предстало место битвы. И это было грандиозное зрелище. Ночь и дым, делали слепыми всех, кто находился в гуще битвы. Остальные же всё ясно могли видеть. И помогал в этом огонь. Десятки столбов пламени взвивались далеко вверх, к небу, освещая всё вокруг себя. И это позволяло увидеть и оценить ход сражения. Первый же взгляд позволял сделать неутешительные выводы. Лишь треть судов Римского флота смогла прорваться сквозь проход. Часть застряла в проходах. Ещё треть судов так и не смогла войти в проход. Столкнувшись с кораблями Лициния, они вели непрерывный бой. Даже отсюда было слышно, как работают катапульты. Иными словами говоря, план удался лишь частично. Основная масса кораблей вынуждена была втянуться в затяжное сражение. При таком преимуществе со стороны Лициния, не оставалось сомнений как именно завершиться сражение. Крисп горящими глазами следил за скоплением кораблей и понимая насколько опасно любое промедление, лихорадочно продумывал возможное продолжение сражения. За ним воцарилось полнейшее уныние. Многие из его людей считали сражение проигранным и как следствие, бросали на Криспа неприязненные взгляды. Это продолжалось до тех пор, пока на бор корабля не поднялся Квирина. Правая рука у него была в крови. Но он не обращал внимания на рану. На его лице было написано отчётливое беспокойство. Квирина подошёл к Криспу и с отчётливой тревогой в голосе, заговорил: – Цезарь, план не удался. Пройти удалось не всем. У нас осталось сорок судов. Часть из них повреждена. Надо отступать. Мы все ждём твоего приказа. – Отступать? – Крисп обернулся словно ужаленный, и бросил на Квирина жёсткий взгляд. – Да ты не в себе Трибун, если предлагаешь мне поражение, когда я почти победил. – Цезарь! Это поражение!

– Это победа, Трибун, – закричал Крисп, – или ты ослеп? Получилось даже лучше чем я того желал. У нас сорок кораблей. И что важнее, все они могут маневрировать. А что есть у Лициния? Вперёд они пройти не могут. Наши корабли преградили им путь. И не только, они почти полностью скованны. У них остаются свободными лишь суда на флангах и лёгкие галеры в задних рядах. Даже если им не мешать, Лицинию понадобится целый день для того чтобы высвободить свой флот из ловушки. И не забывай про огонь. Если мы сейчас затопим корабли Лициния на флангах и те что стоят перед нами, он окажется в полной ловушке и уже никогда не сможет выбраться. А когда это случится, нам останется просто ждать, пока огонь до конца сделает своё дело. Самое важное сейчас. Не позволить Лицинию развернуть флот. Вот этим ты и займёшься, Легат. Возьми тридцать судов, раздели их и топи суда на флангах. Остальные пойдут за мной. И не теряй времени зря.

– Цезарь! – Квирин молча повиновался хотя по лицу было видно, что он не согласен с оценкой событий. Тем не менее он молча отправился приказ командующего флотом. Не успел покинуть корабль, как на судне раздаваться громкий голос Криспа, отдающего приказа. Понемногу, возбуждение, владевшее им, стало охватывать и остальных. Но никто и близко не понимал, что чувствовал Крисп. Он весь был охвачен азартом, ибо в отличии от остальных видел преимущество которое они получили и которому пока никто не кроме него не придавал должного значения. Но скоро, всё стало меняться. Всё в эту ночь сопутствовало успеху Криспа. Галеры которые он собирался атаковать были заняты собственным спасением. Они боролись с огнём не замечая самой большой опасности для всего флота. К ним пришло понимание происходящего лишь тогда, когда в них полетели ядра. Десять судов, выстроившись в ровную линию, пустили в ход катапульты. Каменные ядра тучами обрушились на задние ряды флота Лициния. Нападение на лёгкие галеры не вызвало должного ответа. Сами же галеры, попытались развернуться и уйти от смертоносного обстрела, но это действие слишком запоздало. В связке с огнём, обстрел быстро привёл к желаемому результату. Галеры начали тонуть одна за другой. Крисп до полной хрипоты кричал, управляя одновременно ударом всех десяти судов. Едва завидя возможность выхода из ловушки, он тут же направлял туда удар отрезая путь к отступлению. Им отвечали, но слишком вяло. Большинство ядер противника даже не долетали до них и были более опасны для своих же кораблей. К тому времени, когда солнце появилось на горизонте, часть галер в задних рядах успела пойти ко дну. Над водой лишь торчали обломки судов и верхушки мачт. Рассвет позволил приступить к более активным действиям. По приказу Криспа, суда начали сближаться с противником. Следовало потопить все суда в задних рядах. И для этого пришлось местами идти на абордаж. Противник, ослабленный огнём, и обстрелом почти не оказывал сопротивления. Не имея возможности двигаться, корабли Лициния вспыхивали один за другим. Шаг за шагом, Крисп уверенно вёл Римский флот к победе. И это продолжалось до самого вечера. Ещё до наступления темноты, над заливом раздалось восхищённое:

-Слава Цезарю! Слава Флавию Криспу!

Глава 6

Римский сенат две недели спустя

Римские сенаторы не только внимательно слушали человека стоявшего в центре зала, но и часто перебивали его речь овациями. Зал был полон как никогда. И событие того действительно стоило. Император прислал префекта, дабы сообщить сенату подробности произошедшей битвы. Юлий Юлиан, префект Рима, выглядел немного бледным, что не мешало ему громко и чётко выполнять приказ императора.

-Двести судов сожжено, более ста сдались. Захвачено двадцать семь тысяч пленных и много золота. Лициний прислал послание в котором изъявляет покорность и признаёт себя верным слугой императора.

Эти слова были прерваны бурными аплодисментами. Все сенаторы стоя аплодировали этим вестям. Все, за исключением одного. Это был толстяк, маленького роста с круглым и очень светлым лицом. Он сидел в самых верхних рядах. С его лба постоянно струился пот и он вытирал его краем своего хитона. Создавалось впечатление, что его вообще не интересует происходящее в сенате. Сказанные им слова лишь подтверждали эту догадку:

-Как же здесь жарко! Благосклонность «Соль» порой сильно раздражает!

Слова были сказаны не очень громко, но тем не менее их услышали многие. Постепенно шум аплодисментов стихал. Взгляды присутствующих обращались в сторону толстяка. Чуть позже раздался возмущённый голос:

- Публий Скапула, вы снова показываете неуважение сенату!

-Прошу прощения, - тот кого называли «Публий Скапула», изобразил на губах виноватую улыбку, - всему виной моя проклятая память. Я всё время забываю о том, что не должен упоминать Римских Богов. Вместо «Соль» следовало сказать...опять провал, никак не вспомню имя нового Бога. Не беда. Всегда найдутся рядом люди, которые напомнят мне о нём. И уж раз я получил слово, хотелось бы задать вопрос префекту. Вы приняли решение?

-Да! - раздался снизу твёрдый ответ. - Я покидаю свой пост вместе со всеми «Преторианцами».

-А это по всей видимости, новый префект, - Публий Скапула встал и накинув свободную часть хитона на правую руку, устремил насмешливый взгляд в сторону входящего в зал сената, высокого человека.

-Юний Анний Бас!

Новый префект остановил и принял вызывающе гордую позу. Не успел он остановиться, как Публий Скапула встал и начал спускаться вниз. Спустившись вниз, он напрямик направился к выходу. Возле нового префекта он остановился и очень громко произнёс:

-Я не припомню такого имени среди патрициев. И всё же, позвольте поздравить тебя с новым назначением.

В ответ раздался высокомерный голос:

-Позволь напомнит тебе, что по закону я могу вступить в должность только после одобрения сенатом.

-За этим делом не станет. Мнение римского сената редко расходится с мнением императора. Особенно в последние годы. Публий Скапула покинул сенат. Внизу на площади его четыре раба с носилками. Ещё один стоял с опахалом. Это был хрупкий юноша со смуглым лицом. Он всегда находился рядом с сенатором. Тот не выносил жару настолько, что даже во время движения пользовался его услугами. Завидев Скапулу, юный раб со всех ног бросился к нему. Едва почувствовав благодатную свежесть, он расплылся в довольной улыбке и сделав неопределённый жест в сторону солнца, которое в этот день старалось согреть лучше обычного, он уселся в носилки. Скапула проделывал всё так словно собирался отправиться в далёкое путешествие а не на рынок рабов куда он и держал путь. Здесь следует добавить лишь одно – рынок рабов так же как и сам сенат, находился в пределах римского форума. И как всегда, на улицах Рима находилось слишком много людей, которым, по мнению сенатора, было здесь совсем не место. Отчего приходилось часто останавливаться, и поездка немного затянулась по времени. Впрочем, усилиями юного раба, Скапула, почти не замечал этой маленькой неприятности. Очень скоро, они оказались в тени свода величественной арки. Затем проследовали в самый центр рынка рабов и здесь остановились. Скапула высунул голову и стал смотреть. Его взгляд сразу же привлек молодой военный. Судя по знакам отличия он носил звания центуриона. Молодой человек обладал высоким ростом, благородными чертами лица и яркими голубыми глазами. Иными словами говоря, с одного взгляда в нём можно было определить того, кого называли «отпрыском благородных патрициев». Вид молодого человека изменил выражение глаз Скапулы. Вместо обычной насмешливости появилось отчётливая нежность. А вместе с ней и мягкая улыбка. Заметив, что молодой человек смотрит только в одно место, сенатор проследил за его взглядом. Без всякого сомнения, центурион смотрел на рабыню. Вернее на одну из них. Даже закованная в цепи она производила впечатление свободного человека. Гордо поднятую голову ещё более подчёркивал высокий рост. Взгляд буквально сверкал. И в нём выражалось одновременно презрение и гнев. Маленькая арена в которой она находилась была окружена кривой изгородью. Вместе с ней в ряду стояли ещё два десятка женщин. И у всех головы были опущены. Только она одна не желала признавать своё унижение. Скапула невольно засмотрелся на чёрные глаза этой женщины. Во всём остальном она ничем не отличалась от других. Такая же грязь на лице и на одежде. Волосы...представляли собой ещё более ужасное зрелище. Неизвестно как долго бы смотрел Скапула на рабыню, если в это время до него бы не донёсся громкий хор голосов, который произносил:

- Господь Единый и Всемогущий!

Скапула обратил внимание на толпу христиан, которых возглавлял

мужчина старше средних лет с серебристой бородой. У него на груди висел большой крест. Скапула усмехнулся и стал прислушиваться. Этот человек говорил о том, что все люди равны перед Богом, что рабство это грех, что мы не должны обижать ближних своих. Скапула хорошо видел с какой внимательностью его слушают. В особенности рабы. Послушав ещё немного, он сделал знак юному рабу сошёл с носилок. Почти сразу же после этого, по всему рынку разнёсся насмешливый голос:

-Сильвестр, почему бы тебе не начать с освобождения собственных рабов? Или ты только другим даёшь добрые советы?

Вокруг стал раздаваться смех. Человек с крестом резко обернулся. Увидев кому принадлежат слова, он только и пробормотал:

-Господь не позволяет мне ответить тебе, сенатор Скапула. И мне остаётся лишь молить его о снисхождении к твоей слепоте.

Не успели отзвучать эти слова, как он, а вместе с ним и все христиане отправились прочь с рынка. Глядя им вслед, Скапула пробормотал:

-Я начинаю завидовать христианам. Римские Боги при всём своём могуществе не могут спасти от неудобных вопросов.

В этот миг рядом с ним раздался мягкий голос:

-Ты верен себе! Но позволь заметить, насмешка над Епископом Рима может плохо закончиться даже для тебя.

Скапула устремил удивлённый взгляд на центуриона который чуть ранее привлёк его внимание. Тот стоял перед ним с очень серьёзным лицом. Но оно изменилось едва раздался голос сенатора

-Я просто в растерянности. Неужели Сильвестр ошибся? По его мнению, я ослеп. Однако...мне кажется, будто я всё ещё вижу... собственного сына. Если это действительно ты, Квинт, дай мне знак.

Центурион, или вернее, сын сенатора Квинт Скапула не смог сдержать широкую улыбку. Скапула поманил сына пальцем за собой, одновременно давая знак юному рабу чтобы он усерднее использовал опахало, а затем быстро пошёл в сторону арены с рабынями.

Скапула по привычке семенил и жестикулировал руками. Обычно едва ли не каждое его слово подчёркивалось определённым жестом. Руки бездействовали лишь когда он молчал, а это случалось крайне редко:

-Что это за пост, епископ Рима? – спрашивал он у сына с откровенным раздражением. -Жрецам место в храме, а эти ходят по улицам и призывают к смирению и любви. Спрашивается, зачем тогда им нужна власть? К чему это звание, епископ Рима? Христианские священники претендуют на право занять место посредников между людьми и Богами. То есть каждый из них получил отличную возможность облечь свои желания и мысли в волю Богов, а император своим указом придал этому безумию вполне законное основание. И самое неприятное состоит в том, что мы не сможем оспорить эти слова, ибо по понятным причинам не сможем их опровергнуть. Остаётся радоваться за самих христианских священников, которые никак не могут прийти к единому мнению по поводу того, что именно говорит их Бог. Но здесь всё понятно. У каждого свои интересы. И это вселяет надежду.

Скапула остановился у группы людей, которые яростно что-то обсуждали. Завидев сенатора, один из них, с длинными усами и короткой бородой, облаченный в потрёпанный восточный халат, быстро подошёл к нему и подобострастно поклонившись, с почтением произнёс:

-Чем может служить бедный грек великому Скапуле?

-Если хочешь сделать мне приятное Строкл, отдай мне даром ту высокую рабыню с гордым взглядом.

-Ты смеёшься надо мной, доблестный Скапула, - торговец рабами вскинул на него обиженный взгляд, - фессалийка Виталия происходит из очень знатного рода. За неё я получу не меньше пятидесяти солидов.

-Пятьдесят солидов? - насмешливо переспросил Скапула. - Да за такие деньги я могу убить тебя, твою охрану, даже твою семью, а потом забрать рабов даром.

-Это незаконно! - вскричал бледнея торговец рабами.

-Ты кому это говоришь, Строкл? Или твоя глупость не допускает появления законных причин для такого поступка?

-Сорок пять!

-Пожалуй я оставлю твою семью в покое!

-Сорок два!

-Думаю и тебя можно пощадить. А вот с охраной придётся расстаться.

-Сорок солидов моё последнее слово.

-Хитрец, тебе известна моя доброта. По этой причине я дам тебе пятнадцать солидов и не стану никого убивать.

-Двадцать. И ты ещё купишь пять рабынь. Один солид за каждую.

-Можешь гордиться, Строкл, ты единственный кому всегда удаётся одурачить меня.

Скапула достал кошелек и отсыпал нужную сумму прямо в подставленные ладони торговца рабами. Золото тут же исчезло во внутренних складках. На губах Строкла расплылась довольная улыбка.

-Ты как всегда добр ко мне. Не хочешь посмотреть товар?

-Я не настолько глуп. Веди. Я сам выберу рабынь.

Направляясь вслед за торговцем рабами к арене, Скапула исподтишка бросал взгляды на сына и видел как тот мрачнеет всё больше и больше. Он явно наслаждался этими мгновениями, так как совершенно точно определил симпатию своего сына к этой рабыне. Всё что касалось пятерых рабынь, не заняло много времени. Они все выглядели одинаково и по сути являлись неким грузом без которого нельзя получить главную добычу. Именно на фессалийке, Скапула и сосредоточил своё внимание. Даже короткий осмотр привёл его в восхищение. Рабыня обладала безукоризненными формами. Но её нрав был далёк от спокойного. Она едва не укусила Скапулу, когда тот стал осматривать её зубы. Скапула со знатоком дела прошёлся взглядом по стройным ногам. Затем его взгляд остановился на полных грудях.

-Такая родит крепких мальчиков, - пробормотал Скапула и схватив за ворот платья резко дёрнул. Материя треснула, но фессалийка успела прикрыть грудь руками. При этом с её лица не сходило

презрительное выражение. Все услышали яростный шёпот:
-Посмеешь тронуть меня ещё раз римлянин, я убью тебя!
-Я слишком стар для неё, - с притворным вздохом произнёс Скапула. Он притворно оглянулся по сторонам. Заметив сына он поманил его пальцем и громко произнёс:
-Прими мой подарок Квинт. Рабыня твоя. Делай с ней всё, что пожелаешь! Но будь осторожен. У неё есть когти.
Скапула видел, как мелькнула на лице сына радостная улыбка. В который раз он угадывал истинное положение вещей, и в который раз не показывал истинные мотивы своих поступков.

Глава 7

В то время когда происходили все эти события, человек о котором так или иначе упоминали все, как в империи так и за её пределами, чувствовал себе хуже самого последнего раба. Несколько последних недель император Константин без конца принимал ванны с горячей водой. Он это делал по совету того же Евсевия. Евсевий находился при особе императора неотлучно. На Константина благодатно действовал голос епископа. Тот без усталости возносил молитвы Господу моля его даровать освобождение от болезни. Император был подвержен проказе. О ней знали немногие, ибо Константин всячески скрывал свой недуг. Что не мешало ему прислушиваться ко всем словам единственное значение которых состояло в том чтобы избавить его от этой страшной болезни. Более всего достойными внимания ему показались слова Евсевия о воде. По утверждению епископа вода в сочетании с молитвой очищает и тело, и дух.

Возможно именно эти слова вспоминал император лёжа обнажённым на мраморных ступенях бассейна. Над его головой, впрочем как и во всей бане, поднимались клубы густого пара. Ноги императора были опущены в воду, а тело выше пояса открыто для ухода, коим занимались сразу четверо полуобнажённых рабынь. Ещё две стояли на коленях у его головы и постоянно поправляли подушки на которых она лежала. Рабыня черпали из бассейна горячую воду, и медленно сливали её из Ковшов на грудь императора. Вернее, они сливали её на определённые места. Это были плоские блюдца, покрытые по краям едва заметной чешуей. Именно они и были предметом внимания рабынь. Император часто закрывал глаза, предаваясь ощущениям. И столь же часто бросал взгляд в сторону коленопреклонённого Евсевия. Тот стоял в одном из углов спиной к императору и беззвучно молился. Когда в комнате появился раб с позолоченной чашей, рабыни перестали лить воду. Следом за рабом с чашей появились два вооружённых стража. Один из них нёс в руках ягнёнка. Раб поставил чашу рядом с императором и сразу удалился. Стражи же, поднесли ягнёнка к чаше и прямо над ней вскрыли шею. Горячая кровь заструилась в чашу. Когда она заполнилась, стражи ушли и унесли мёртвого ягнёнка, а в руках рабынь появились продолговатые куски с овечьей шерстью накрепко стянутые нитками. Тыльной стороной, они смачивали их кровью

ягнёнка, а потом бережно смазывали ими больные места императора. Так продолжалось до той поры, пока чаша не опустела. Грудь императора покраснела от крови. Однако судя по его лицу, он испытывал определённое удовольствие от всех этих действий. Но это выражение изменилось, как только дверь в очередной раз открылась и в бане появилась красивая молодая женщина в воздушном платье украшенном множеством драгоценностей. Волосы женщины были искусно уложены и ниспадали на открытые плечи. На голове сверкала диадема. Голос прозвучал с глубокой почтительностью.

-Мой повелитель чувствует себя лучше? – императрица остановилась а затем и опустилась на колени по правую сторону от императора. Её взгляд был полон нежности и участия. Тот, отвечая даже голову не повернул в её сторону.

-Гораздо лучше. Что тебя привело Фауста?

-Забота о твоём здоровье и...твоей империи, – последовал быстрый ответ. Было понятно, что императрица ждала и приготовилась к этому вопросу.

-Моей империи угрожает опасность? – задавая этот вопрос император закрыл глаза, но прежде знаком показал рабням чтобы они покинули бассейн. Все кто находился рядом с императором отошли в дальний угол и опустили глаза как и было принято в подобных случаях.

-Твоей империи давно угрожает серьёзная опасность, но ты этого не видишь, мой повелитель, – вкрадчиво произнесла императрица. – но я твоя преданная жена, вижу эту опасность и считаю своим долгом предостеречь тебя.

-Лициний принёс мне присягу и будет отправлен в место откуда он уже никогда не сможет выбраться. Царь Персии прислал послов и предлагает перемирие. Других врагов я не вижу.

-Ты забываешь о Криспе. Он очень умён. А его победы принесли ему славу и любовь римского народа. Ещё больше любит его армия. Некоторые сенаторы открыто предлагают избрать его императором. Они подбивают народ к мятежу против тебя. А твой сын не только поощряет все эти действия, но и при всех показывает неуважение к императору. Не так давно он изгнал Флавия Сета, твоего посланника. Он велел ему дожидаться снаружи. А потом, при всех приказал страже убить Сета, если он ещё раз войдёт к нему без позволения. Императорская печать ничего для него не значит, иначе он стал бы заявлять, что твоё послание это ошибка. Его слова слышали все.

-И Крисп доказал свою правоту, – ледяным голосом произнёс император. Он открыл глаза и повернув голову бросил на неё взгляд от которого она невольно поёжилась. – Я знаю чего ты добиваешься Фауста. Твоя ненависть к Криспу известна не только мне, как и любовь к собственным сыновьям. Однако я подумаю над твоими словами. В них есть смысл. Если они к тому же окажутся правдивы, мы вернёмся к этому разговору. Император вернул голову в прежнее положение. Императрица поняла, что разговор закончен. Она могла быть довольна собой. Если она и не получила желаемого, то можно было не сомневаться в том, что

ей удалось заронить очередные зёрна сомнения в душу императора. Едва императрица покинула баню, как император обратился к Евсевию с вопросом :

-Что ты думаешь о словах Фаусты?

-Господь испытывает каждого из нас. Возможно, и для тебя настанет час тяжких испытаний, - раздалось в ответ.

Услышав эти слова, император погрузился в тяжёлые раздумья. К словам Фаусты он никогда не придавал большого значения. Иное дело Евсевий. В словах епископа, император почувствовал опасность для себя.

Императрица же, напрямик отправилась в свои покои. Завидев её, рабыни склонились в низком поклоне. Несколько голосов одновременно почтительно произнесли:

-Августа!

-Оставьте меня одну, и передайте Уросию что я хочу его видеть! - резко бросила императрица. Эти слова прозвучали не случайно. Фауста чувствовала огромную потребность остаться одной. И эта потребность диктовала...безумная радость. Сотни бесполезных попыток и вот...первая, пусть маленькая победа. Все приписывали ненависть к Криспу...её тщеславию. Даже Константин был уверен, что она желает убрать Криспа лишь для того чтобы освободить путь к престолу трём своим сыновьям. Как они все ошибались. И как бы удивились узнав, что Фауста испытывает к Криспу в некотором роде даже любовь. Ей всегда нравился Крисп. Он был сдержан, относился с почтением, молчал даже тогда когда мог ответить. Но не из - за недостатка ума, а по причине отличного воспитания. В Криспе всё было идеально. И это не могло не вызывать восхищения Фаусты. Со временем он мог стать одним из самых величайших правителей. И она не сомневалась, что народ его будет любить. Её пасынок был многим достойнее собственных сыновей. Эта истина, в которой Фауста признавалась только самой себе. Она не Криспу собиралась отомстить, а его отцу. Именно Константин был ею конечной целью. Она видела как он шаг за шагом выстраивает свою империю. Как делает её такой же могущественной, как и прежде. Её же цель уничтожить всё, что он будет строить. Его мечта о величайшей империи и роде Флавиев в качестве правителей мира, никогда не должна осуществиться. А он сам умрёт в муках, как только она сполна насладится мезтью. Эти мысли вызвали у Фаусты зловещий взгляд. Прямо в центре огромной комнаты стояла статуя Константина во весь рост. Фауста подошла к статуе и бросив на неё взгляд полный ненависти, едва слышно прошептала:

-Ты думаешь, я прощу тебя Константин? Ты думаешь, я прощу тебе смерть моего любимого брата Максенция? Ты помнишь, как я умоляла тебя пощадить его? Но ты сделал всё, чтобы его не стало. Ты убил его. А помнишь ли ты несчастных детей моего брата? Помнишь как я, Флавия Максима Фауста, супруга императора, дочь императора и сестра императора, как последняя из твоих рабынь стоя на коленях, молила тебя пощадить их? Ты не пощадил невинных детей. Сейчас же умрёт твой собственный сын. Ты убьёшь его собственными руками. Ты убьёшь того единственного кто любит тебя. Того единственного, кому ты сможешь оставить свою империю

и кто сможет осуществить твои мечты. Может ли быть большее наказание для тебя, чем убийство невинного сына? Даже твой новый Господь проклянет тебя Константин!

Фауста резко захохотала, а затем так же резко прекратила смеяться и с омерзением плюнула в статую. Потом долгое время сверлила её ненавидящим взглядом. И уж в конце придав своему лицу мягкость, отошла от неё и направилась к балкону. Шелест платья совпал с шумом шагов. Она даже не обернулась на шум. Фауста вышла на открытый балкон, свернула направо, прошла по нему до конца и вошла в маленькую полутёмную комнату. Здесь она остановилась и обернулась. Мгновением позже появился молодой человек с бледным лицом. Он остановился в двух шагах. Затем низко поклонился и тихо произнёс:

-Ты хотела меня видеть, Августа?

-Да. Ты мне нужен Уросий! - ответила императрица. В её голосе одновременно прозвучала и мягкость, и некое таинственное обещание. На лице молодого человека стало появляться удивление.

- У меня к тебе особое поручение. Поручение опасное. Поэтому я буду с тобой до конца откровенна. Меня хотят уничтожить...

-Я готов умереть за мою Августу, - вскричал было молодой человек, но Фауста приложила пальчик к своим губам призывая к молчанию.

-Мне не нужна твоя смерть Уросий. Мне нужна твоя помощь.

-Телом и душой, я принадлежу моей Августе! - с пылом отвечал молодой человек.

-Я знаю Уросий, потому и призвала именно тебя. Только тебе я могу полностью довериться. -Императрица устремила на юношу взгляд от которого он весь затрепетал. - Я прошу тебя помочь мне защитить свою жизнь и жизнь моих детей. Для этого мне нужно обличить своих врагов перед моим мужем. Не торопись ответить, - предостерегла его Фауста видя что Уросий порывается что-то сказать. - Я не буду таить на тебя обиды если выслушав меня, ты решишь не рисковать своей жизнью. Ведь это очень опасно. Речь идёт о некоторых сенаторах. Речь о всемогущем Криспе. Именно он со своими сторонниками пытается меня уничтожить. Он опасается моих сыновей. Он убьёт их и меня не пощадит. Ведь мы стоим на пути к трону, который принадлежит ему одному. Единственный способ спастись - это показать императору, насколько опасен сам Крисп. И здесь все средства хороши. Мы должны знать всё, что говорит или делает Крисп. Мы должны знать тех, кто его поддерживает. Возможно, мы даже можем открыть заговор против императора. Это стало бы лучшим исходом для нас. Мы должны сделать всё, что только в наших силах для спасения жизни моих сыновей. О своей я не думаю.

-Августа, - вскричал Уросий...

-Молчи и слушай, - снова остановила его императрица. - Я дам тебе золото, дам надёжных людей. Используй всё, так как считаешь нужным, только помоги остановить Криспа.

-Клянусь своей жизнью, Августа...он будет наказан, - взгляд Усория загорелся мрачным огнём, - я сделаю так, что он сотни раз пожалеет о мести к тебе. Клянусь.

– Если ты выполнишь свою клятву, – императрица сделала паузу и приблизившись вплотную к Уросию, закончила голос полным страсти, – я дам то о чём ты мечтаешь все эти годы. А это, чтобы у тебя не осталось сомнений в моей искренности...

Императрица приподнялась, и потянулась к его губам. Издав глухой стон, Уросий крепко обхватил руками стан императрицы, и смял её губы поцелуем в котором излилась вся та страсть, которая копилась в нём последние три года. С того самого момента когда он впервые увидел императрицу.

Глава 8

Тронный зал императорского дворца в Риме. Сверкающий мраморный пол по обе стороны которого расположились длинной чередой высокие колонны. Через каждую колонну стоял треножник с горящим факелом. Возле каждого факела, подобно каменному изваяние застыл страж, сжимая копьё в правой руке. В самом конце зала была сооружена возвышенность на которой стоял позолоченный трон. Справа от него был сооружён пьедестал из белого камня. В центре пьедестала, в буквальном смысле слова, сверкало знамя императора. Два копия, одно длинное, второе короткое, уложенное поперёк длинного, образовывали крест. Верхние края полотнища были притянуты к поперечному копьё золотыми нитями. На полотнище было изображена большая латинская буква «Р». В нижней части её пересекала ещё одна буква «Х». Рядом с буквами был вышит девиз «Nos Vince» – что означало «Сим Побеждай». Всё полотнище пестрело красивейшими узорами и драгоценными камнями. Любой кто входил в тронный зал, первым делом устремлял взгляд на знамя.

Император не стал исключением. Войдя в тронный зал, он остановился и устремил долгий взгляд на своё знамя. На память пришли события связанные с его появлением. Много лет назад перед решающей битвой которая должна была низвергнуть его в небытие или поднять к престолу империи, он увидел во сне пылающий крест и услышал голос который произнёс слова вышитые на знамени. С того времени, знамя стала неотъемлемой частью его самого. Если знамя всегда привлекало его взгляд, то тронный зал всегда вызывал раздражение. Император не любил это место. Как и многое другое связанное с Римом, где он старался бывать как можно реже. В основном вся его жизнь проходила в походах и непрерывных сражениях. И лишь в короткие промежутки относительного спокойствия он приезжал в Рим, чтобы убедиться ещё раз в том, что здесь никто не пытается посягнуть на его власть.

Император неторопливо направился между колонн к трону. На нём был короткая туника перетянутая широким золотым поясом. Сзади к тунике был прикреплен пурпурный плащ. На голове лежала царская корона с которой он никогда не расставался. Не успел император занять место на троне, как появился высокий воин вооружённый длинным мечом. Это был Галл Андроник. Один из личной охраны императора. Остановившись у подножия трона он склонил голову в

ожидания приказа.

– Приведи ко мне Авсония и Аблавия, – император как всегда говорил негромко но очень выразительно. – Первым пусть войдёт Аблавий.

Выслушав императора Андроник молча удалился. Прошло совсем немного времени, когда он вернулся в сопровождение ещё одного человека в военной форме. Тот был такого же роста как Андроник. На поясе висели пустые ножны. Никому за исключением охраны не позволялось входить у императору с оружием. Исключений не делалось ни для кого. Оставив Аблавия наедине с императором, Андроник удалился.

– Говори!

Аблавий поклонился и только потом ответил:

– Лициний лжёт заверяя в своей покорности. Он укрылся с армией в Хрисополе.

– Я ожидал предательства, – раздумчиво произнёс император, услышав эти слова. – Отправь гонца к Криспу. Он недалеко от Хрисополя. Пусть подведёт флот поближе к Лицинию и ждёт меня. Аблавий поклонился, показывая что он понял приказ императора и уж потом снова заговорил:

– Ты спрашивал о сенаторе. Тит Максим тайно приобрёл дом в двух лигах от Рима. Туда он отвёз свою дочь Елену и внука Константина.

Император напрягся. Напряжение длилось всего лишь одно мгновение. Затем его лицо разгладилось и он внешне спокойно спросил:

– Семья Криспа вернулась в Рим а мне никто не сообщил? Ты уверен в своих словах, Аблавий?

Тот в ответ утвердительно кивнул:

– Супругу консула сопровождает его наставник Лактанций, начальник личной охраны Артемий и ещё восемь легионеров из двенадцатого легиона.

– Артемий... – задумчиво повторил император, – мне докладывали что он не участвовал в сражение. Так вот он чем был занят.

Сопровождал Елену к отцу. Следи за ними, – император устремил на Аблавия жёсткий взгляд. – Следи днём и ночью. Пусть остаются там. Но если вздумают покинуть это место, возьми под стражу и привези ко мне.

Аблавий в третий раз поклонился. Увидев жест императора, он попятился назад а затем обернулся и быстро зашагал к выходу из зала. Едва он исчез в дверях, как там возник Андроник. Следом за ним появился ещё один человек. Это был Авсоний. Человек весьма необычный, как внешне, так и образом мыслей. Именно его суждения привели императора к решению поручить ему дело весьма деликатное. Ибо он не желал показывать своё недоверие тем, чью веру изо дня в день и без устали утверждал к своей империи. Авсоний выглядел гораздо старше своих лет. Ему ещё не минуло сорок лет, но неприятное лицо уже было сплошь изрезано морщинами. На спине выступал едва заметный горб, который он всегда и очень тщательно прятал под плащом. Обычно плащ имел чёрный цвет. Как и его волосы. Он производил удручающее

впечатление на любого, кто его видел впервые. Но это впечатление длилось лишь до того мгновения пока не раздавался голос Авсония. Ибо его речь не имела ничего общего с внешностью.

-Тебе есть что рассказать? – такими словами встретил Авсония император.

В отличие от всех остальных, Авсоний даже не пытался высказать те знаки почтительности, которые был обязан воздать императору любой из его подданных. И тому имелась серьёзная причина. Авсоний проповедовал одну из самых древнейших религий – «Зороастризм». И единственным кому он поклонялся, являлся Ахура Мазда. Это была одна из немногих религий не считая христианства, которая по мнению императора, выявляла самую сущность человека. Его сильные и слабые стороны. Для него Авсоний являлся тем, кто мог дать наиболее понятную оценку христианам. При своей приверженности к этой вере, император всё ещё был далёк от мысли, самому стать одним из них. Тем временем, Авсоний ответил на вопрос императора. Голос его прозвучал неопределённо, словно он не был уверен в своих словах. О том же говорило лёгкое пожимание плеч:

-Я много беседовал с самыми разными христианами. Среди них были те, кто только начинал свой путь и те, кто вёл других по этому пути много лет. Проведя среди них много месяцев, я так и не пришёл к единому определению. При всём этом мне трудно отрицать очевидную близость наших взглядов. Однако, лишь при глубоком осмыслении основ наших религий. Во всём остальном у христиан есть серьёзное преимущество.

-О каком преимуществе ты говоришь? – спросил внимательно слушающий император.

-Большинство людей слишком озабочены ежедневными заботами. У них нет ни возможности, ни желания изучать нашу философию, основанную на познании, прежде всего, самого себя. Им надоело задабривать Римских Богов приношением жертв. Народу нуждается в иной духовности. В духовности, которая не отягощает. Та, что вселяет надежду на прекрасное будущее, ибо о ней мечтают все без исключения. И христиане дают народу такую надежду, обещая чудеса при жизни и Царство небесное после смерти. Я видел, с каким упоением толпа слушали одного христианского проповедника. Многие прослезились. Я же испытывал лишь раздражение.

-Зависть?

-Нет, мой император, – спокойно ответил Авсоний, – всего лишь наблюдательность. Я слышал эту историю из уст другого христианина, и выглядела она менее красочно и гораздо короче. Все эти истории о чудесах постоянно обрастают новыми подробностями. И это не может не настораживать. Но более всего меня озадачили слова, которые повторяют все христиане без исключения. По их утверждению, все люди равны перед Богом. Однако, при этом, они выстраивают некую лестницу к Богу, где располагаются те, кого они называют «святыми». И здесь у меня возник простой вопрос, который я задал одному из христианских проповедников: «В какой части этой лестницы окажется простой человек после своей смерти? Может ли он считаться равным святым?»

-И что же? – заинтересовался император.

-Ничего. Общие слова о том, что я подвергаю сомнению саму веру в Единого Бога, когда я лишь указал на противоречие. Слова о «Вере», наиболее часто используются христианами в случаях, когда они не в состоянии дать внятный ответ. В таких случаях, я обычно отвечал, что готов принять Бога, но не суждение человека не явившего мне ясность своей мысли. Ту же лестницу что ведёт к Богу, они воздвигли меж себя. Порой очень сложно разобраться на какой ступени находится иной христианин.

-Ты Авсоний, как я посмотрю, невысокого мнения о христианах?

-Среди них есть весьма просвещённые люди. Беседа с ними доставляла мне подлинное удовольствие. Но в целом, я скорее готов признать эту религию опасной.

-Опасной?

-Христиане непримиримы к своим противникам и порой с откровенной ненавистью набрасываются на тех, кто решается им возразить.

-Твоё суждение заслуживает внимания, – голос и весь облик императора выдавал задумчивость, – однако я слышал от Евсевия и более мудрые речи.

-Евсевий? – на губах Авсония показалась едва заметная усмешка. – Как-то раз я слышал рассказ из уст моего императора о том, как перед самой битвой ему пришло видение. Наутро он вызвал ювелиров и художников которые в точности воссоздали это видение. Даже сейчас я вижу плоды этого видения на твоём знамени. Недавно я имел и другую беседу, где меня уверяли в ином. Со слов Евсевия христианам предстаёт картина пылающего креста, который заслонил солнце от тебя и твоей армии.

Император расхохотался. Авсоний всего лишь улыбнулся.

-Это ли не свидетельство лицемерия? Разве Евсевий не слышал твой рассказ?

-Безусловно, – не мог не согласиться император. И сделал он весьма весёлым голосом, так как всё ещё смеялся. – Но ты забываешь Авсоний о том, как нужна нам порой такая маленькая ложь. И тем не менее, противоречий множество. А они способны разрушить любые начинания. Поэтому я желаю отправить тебя в Никею. Очень скоро там соберутся все известные христианские проповедники. Особо хочу отметить Ария. Его ненавидят многие. Я хочу знать, за что именно. И чем его суждения отличаются от суждений других проповедников. Встреться с ним. Поговори. Я сам приеду в Никею. К тому времени, я должен знать всё, ибо мне предстоит сделать нелёгкий выбор.

Глава 9

Сенатор Тит Максим, о котором упоминали императору, в это самое время, а было далеко за полдень, входил в дом своего давнего друга Публия Скапулы. Это был человек шестидесяти лет с мягкими чертами лица и небольшой лысиной на голове. На его лице была заметна отчётливая обеспокоенность. Его проводили в зал для

гостей. Устроившись на роскошном ложе, он стал дожидаться друга. Один из рабов поднёс к нему маленький столик. Следом появилась ваза с фруктами. Тит Максим успел отведать кисть винограда когда раздался весёлый голос Скапулы.

-Рад, что ты верен своим вкусам!

Следом за Скапулой, как и обычно, шёл юный раб с опахалом. Скапула занял ложе напротив. Раб же встал у него над головой и не переставал махать опахалом. Почти сразу же появился сын Скапулы, Квинт. Он только и сказал:

-Приветствую тебя, Тит Максим!

Затем сразу исчез. Скапула повернул голову в сторону друга и мягко произнёс:

-Не держи на него обиду. Он даже меня перестал видеть. Все его мысли занимает новая рабыня. Он только и делает, что обхаживает её. Приставил к ней несколько слуг для того чтобы они привели её в приемлемый вид. Мне рассказывали, что было сломано целых четыре щётки, прежде чем удалось расчесать ей волосы. Она не похожа на женщин своего племени. Дикая и непокорная. Ума не приложу, как с ней управится Квинт. Он ведь по природе своей слишком мягок и не способен наказать раба как тот того заслуживает.

Скапула достал из вазы персик и поигрывая им в руке бросил пристальный взгляд в сторону своего друга. У Тита Максима было такое лицо будто он и не слушал речи Скапулы. И эта отрешённость не могла не остаться незамеченной.

-Неужели так плохо? – поинтересовался Скапула.

Тит Максим бросил на него непонятный взгляд и сразу же заговорил глубоко обеспокоенным голосом. При этом его пальцы неосознанно отрывали по виноградинке, которые так и оставались в вазе.

-Надеюсь, ты мне сможешь разобраться. Родство с императором вызвало у меня чувство гордости. Да иначе и не могло быть. Потом сам Крисп. Я полюбил его не меньше собственной дочери.

-Крисп – достойнейший из всех молодых людей которые мне известны! – вставил Скапула с совершенно серьёзным лицом.

-Именно. Однако, – продолжал с той же тревогой Тит Максим, – когда я узнал, что моей дочери предпочли дочь Лициния, пришёл страх. Теперь же Лициний повержен. Причина страха ушла, но ничего не изменилось. Скорее наоборот. Страхи возросли многократно.

-Чего тебе бояться? – удивился Скапула. – Разве Крисп не относится к тебе с почтением? А ведь он носит титул консула, титул Цезаря, титул правителя Галии и командующего флотом. Я не знаю никого другого в истории Рима, кто бы одержал столько блестящих побед в столь юном возрасте.

-Вот именно, – Тит Максим понизил голос и оглянувшись по сторонам, продолжил, – тогда к чему эта таинственность? Он присылает Елену со своим сыном с просьбой укрыть их как можно надёжнее. Более того, он просит никому не сообщать о их приезде. Затем, уже после того как он одерживает блестящую победу, приходит ещё одна весть от него. Крисп просит оставить всё как есть. Скоро он сам заберёт Елену с сыном или пришлёт за ней

доверенных людей. Я не понимаю его поступков. И оттого меня гложет тревога. Почему он скрывает свою семью?

-А между тем всё просто, - Скапула положил персик на стол и устремил на друга свой привычный насмешливый взгляд. - Крисп чего-то опасается. А он может опасаться только одного человека. - Император?

-Именно. Видимо Криспу стало известно нечто, что самым серьёзным образом обеспокоило его, иначе он не стал бы прятать свою семью.

-Так как же я должен поступить? Что ты мне посоветуешь?

Скапула раздумчиво пожал плечами.

-Выполнять просьбу Криспа. Это наименьшее из зол. Хотя если у него имеются серьёзные основания для опасений, ты легко можешь потерять свою голову.

-Великие Боги, - Тит Максим побледнел услышав последние слова.

-Или отправь дочь подальше, тогда ты сможешь избавиться от опасности.

В то время, когда происходил этот не простой разговор, квинт Скапула нервно прохаживался по аллее большого сада, который примыкал к дому с задней стороны и тянулся почти до самого подножия горы. В саду имелось несколько аллей с красотой которых могли соперничать разве что цветники, фонтаны или скульптуры. Квинт ждал. И ждал с нетерпением. Он весь был охвачен нетерпением и...волнением. Должна была состояться первая встреча с женщиной которая при первом же взгляде заставила его сердце трепетать так, что у него захватывало дыхание. Квинт и не подозревал в себе столь бурных чувств. От одной мысли о рабыни, его охватывал безудержный восторг. Он чувствовал себя самым счастливым человеком в Риме, однако затруднился бы с ответом о причине своей радости. Ну вот наконец она. Её привёл страж и тут же, оставив одних. Случайно или нет, она остановилась рядом с розами. Квинт не замечал угрюмого лица и гневного взгляда. Он смотрел на красивые сандалии облегавшие изящные пальчики ног. Затем его взгляд поднялся выше, к краю белоснежного одеяния. Оно ничем не уступало нарядам, что носили знатные римлянки. Тонкий золотой пояс стягивающий талию, открытые плечи, руки с удивительной гладкой кожей, волосы уложенные во множество локонов и обрамляющие тонкую шею. Золотой обруч - подобно венку с лепестками, что увенчивает головы лесных нимф. Лицо где каждая линия поражает своим изяществом. Тёмные глаза, полные...гнева...

Наткнувшись на взгляд фессалийки, Квинт вздрогнул и в одночасье очнулся от своих грёз. Помедлив ещё одно мгновение, Квинт шагнул ей навстречу, сокращая расстояние до двух шагов. Словно ожидая этого, фессалийка попятилась назад, при этом не её взгляд стал выражать решимость и...ярость. Квинт остановился и сказал так мягко, как только мог.

-Моё имя, Квинт Скапула.

- Я знаю, кто ты, но не советую подходить ближе, - злым голосом предостерегла его фессалийка.

-Когда ни- будь, мне придётся приблизиться к тебе, - Квинт старался говорить спокойно, хотя близость фессалийки его

волновало всё сильнее и сильнее.

-Тогда ты умрёшь! - последовал непримиримый ответ.

-Ты ненавидишь меня?

-Я ненавижу всех римлян. Они убили всех кого я любила.

-Мне жаль...- начал было говорить Квинт, но она резко и с прежней злостью перебила его.

-Не лги римлянин. Всё что вам нужно - это золото и рабы.

-Это нужно всем. Судя по твоему воспитанию, всё это имелось и у тебя. Или я ошибаюсь?

В ответ полное молчание. Квинт на мгновение почувствовал разочарование. Он иначе представлял себе этот разговор. Женщина стоявшая перед ним, была полна ненависти. А ненависть это яд, от которого порой невозможно избавиться. Мало понемногу, улыбка на губах Квинта померкла.

-Моё присутствие тебе неприятно? - негромко спросил он у неё.

-Ты знаешь ответ на этот вопрос!

-Хорошо. Тогда тебе придётся...- он не договорил, так как в этот миг фессалийка резко вскинула голову и бросив на него презрительный взгляд, с вызовом произнесла:

-Я не боюсь ни наказания ни смерти. Можешь делать, что хочешь римлянин.

-Гулять по саду одной, - Квинт наконец закончил своё предложение. - Я пригласил тебя в сад только по одной причине. Мне казалось, тебе будет приятна такая прогулка. Я видел, как ты смотрела фонтан в доме. Но раз я тебе неприятен, ты можешь побыть одна. Оставайся здесь столько, сколько пожелаешь. Тебе отведены отдельные покои. Ты и ими можешь распоряжаться по собственному усмотрению. В доме Скапулы, никто не станет тебя принуждать к тому, чего ты сама не захочешь.

Квинт оставил её и направился в сторону дома. Фессалийка Виталия обернулась и проводила его взглядом. И в этом взгляде светилась глубокая растерянность.

Глава 10

Лагерь Флавия Криспа

Шатёр огласил болезненный рёв Демиуса. Он бегал вокруг Криспа и тряс обожжёнными руками. А тот смотрел на него и посмеивался, правда, это действие больше походило на гримасы. У Криспа была обожжена правая часть лица. В особенности пострадало ухо и часть шеи. Обожжённые места покраснели и вздулись. Почти любое движение причиняло Криспу боль, которую он старался не показывать. Ожог он получил уже в конце сражения когда отдал приказ взять на бордаж судно противника. Во время боя, его едва не придавила горящая мачта, рухнувшая на палубу. Его спасло лишь самоотверженность людей которые сражались с ним плечом к плечу. Они приняли удар на себя. Некоторые успели выставить щиты, другие подобно Демиусу, действовали руками. В итоге, в той или иной степени, обгорели почти все. У Демиуса руки обгорели почти по локоть. Он испытывал сильные боли, но это не помешало ему

броситься на помощь, когда Крисп стал одеваться. Несмотря на предостережение Криспа, он взялся застегнуть ремни наплечников. Это попытка закончилась так, как и предсказывал Крисп. И пока Демиус пытался унять боль в руках многочисленными и быстрыми взмахами, Крисп сделал то, что и собирался сделать – вызвал одного из стражей, постоянно дежуривших перед входом. Тот застегнул наплечники, а потом помог пристегнуть и плащ. Пока происходило это действие, Крисп с насмешливостью разговаривал адресуя свои слова несчастному Демиусу:

–А не говорил ли я, что ты сможешь приступить к своим обязанностям не раньше, чем Салюс вернёт свою благосклонность. Но ты меня не послушал и за это сейчас расплачиваешься.

–Варвар!

Демиус сказал это слово очень тихо, но не настолько чтобы его не услышал Крисп. Крисп отпустил стража движением руки и с откровенным удивлением спросил у Демиуса:

–Ты назвал меня «варваром»?

–Не я один. Многие считают тебя варваром. Ты принёс жертву Богам не соблюдая обычаи...будь проклята бессердечная Салюс, – вскричал в ярости Демиус и бросившись к тазу с водой, опустил в него руки, – я готов отрезать их лишь бы не испытывать эту ужасную боль.

–Пожалуй, я смогу тебе помочь, Демиус, – Крисп стал вынимать меч из ножен при этом не сводя угрожающего взгляда с Демиуса. Тот увидев это действие, замер и не мигая уставился на Криспа.

–В который раз убеждаюсь в том, что страх сильнее боли. Пожалуй, я всё оставлю как есть. Мне доставляет удовольствие наблюдать за твоими страданиями.

–Я тебе жизнь спас, – закричал Демиус. Он вытащил из воды руки и показал их Криспу. Они на самом деле находились в ужасающем состоянии. Кожа место лопнула и из неё постоянно сочилась жидкость. В других местах она была натянута и стала ярко красного оттенка.

Крисп расхохотался, услышав эти слова. Правда, смех тут же перешёл в гримасу. Он повертел головой и направился к выходу. И уже оттуда бросил Демиусу:

– Потерпи Демиус. Скоро придёт лекарь. По слухам он весьма сведущ во врачевании. От тех что с нами пользы никакой. Наблюдая за уходом Криспа, Демиус почувствовал угрызения совести. Он жалел о словах сказанных сторяча. К тому же они были не совсем правдивы. Он не один помог Криспу избежать опасности. В который раз его поражало поведение самого Криспа. Он не меньше десятка раз спасал жизнь самого Демиуса, но даже сейчас в ответ ничего не сказал. А ведь мог бы. И это бы оказалось сущей правдой.

Выйдя, Крисп сразу же остановился и полной грудью вздохнул свежий воздух. Лёгкий ветер с моря обдал его приятной прохладой. Вид ночного лагеря всегда приносил ему особую радость. Это чувство многократно усиливалось, когда он смотрел на ночной лагерь после битвы. В такие мгновения полностью исчезало напряжение. Все выглядели расслабленными и с удовольствием

подолгу разговаривали сидя в кругу за костром на котором всегда висел кипящий котёл. Именно такую картину наблюдал Крисп. Недалеко от берега, в заливе, мерцали множество огоньков. Флот дожидался приказа. Крисп, впервые участвовал в морском сражении. И тем не менее, не мог не испытывать гордость, глядя на корабли. Ему удалось сохранить более шестидесяти судов. И не только, но и захватить более ста судов. Правда, часть из них серьёзно пострадала. Но разве это имеет значение когда враг полностью повержен? Ему удалось не только разбить один из самых сильных флотов, но и сохранить свои суда. Отец должен быть доволен. Очень скоро они увидятся. Размышляя о своём отце, Крисп направился в сторону палатки Квирина. Ему необходимо было с ним поговорить по поводу послания, которое он получил. Завидев его, легионеры тут же вскакивали и вскидывая руку, восклицали: -Слава Цезарю!

Часто эти слова звучали болезненно. Среди легионеров находилось много раненных. Большая часть из них обожглась, когда поджигали суда противника. Обычно на такие приветствия, Крисп отвечал лёгким жестом, показывая всем, что не стоит на него обращать внимания. Вид раненных легионеров заставил его изменить решение. Он двинулся мимо многочисленных костров, приветливо здороваясь почти со всеми, кто попадался на его пути. Тех, кого он знал, Крисп называл по имени, что означало особую честь. Возле одного костра он задержался дольше обычного. Среди тридцати легионеров он заметил того, кто первым бросился его спасать. Это был Тулус. Ветеран двенадцатого легиона. Панцирь на груди был расстёгнут. Вся левая сторона, включая грудь, живот и плечо были перетянуты кусками шерсти и материи. По гримасе на лице было заметно, что он испытывает сильные боли, но при этом Тулус умудрялся разговаривать так, словно не получил тяжёлый ожог. Крисп остановился возле него. А затем, помедлив, вытащил меч из ножен и вручил его Тулусу со словами:

-Я у тебя в долгу.

Принимая меч тот поднялся и с чувством ответил:

-Такой чести я не прежде не удостоивался. Ты не только велик но и великодушен.

-Пора тебе отдохнуть, - Крисп улыбнулся и оглядев всех за костром продолжил, - я принял решение отправить часть своей армии домой. Из шести легионов останутся только три. Отправятся все кто получил ранение и те кто долго не отдыхал. Впереди зима. Отдохнёте как следует, а весной отправимся в новый поход если на то будет воля императора. Это не всё. Я распорядился, чтобы треть всей захваченной добычи отдали вам. Отправитесь через три дня.

После этих слов за костром воцарилось мёртвое молчание. Все как один с глубочайшим изумлением смотрели на Криспа. То что он говорил было неслыханно. Они получали отдых и золото. Впервые за всю службу к ним отнеслись с заботой и пониманием. Ещё до того как Крисп вошёл в палатку к Квирину, ночной лагерь взорвался тысячами криков:

-Слава Флавию Криспу! Слава Цезарю! - раз за раз кричали

легионеры.

Квирин встретил Криспа широкой улыбкой.

-Легионы тебя любят, Цезарь!

Он указал на стол где стояла миска с «пульсом». «Пульс» - являлся самой главной и повседневной пищей легионеров. Ею питались как простые воины, так и командиры. Почти всегда эта каша готовилась на воде и лишь изредка на молоке. В обозе каждого легиона шли телеги нагруженные просом и ячменем. Человека, который командовал обозом, легионеры в шутку называли «Пульсирий». Имелось в виду именно каша. Именно эту кашу ел Квирин в момент прихода Криспа. Но Крисп отказался от еды. Есть не хотелось. Больше беспокоил будущий поход. Именно этими мыслями он и поделился с Квирином:

-Половина армии будет отпущена на зимний отдых. У нас три легиона. Возьмём три катапульты, по одну на каждый легион. Отправимся через десять дней.

-Ты верно шутишь? - вскричал обескураженный Квирин. - Ты собрался идти с тремя легионами на Хрисополь? Этот город со всех сторон окружён высокими стенами и неприступными скалами. У Лициния тридцать тысяч воинов. С ними он сможет продержаться за стенами города несколько лет.

-Ты забываешь о императоре, - возразил на это Крисп, и стой же уверенностью продолжал, - он ведёт к Хрисополю четырнадцать легионов. Двенадцать тысяч конницы. У нас будет сотысячная армия. И я не вижу необходимости в этих трёх легионах. Они понадобятся нам весной. Тогда у нас будут три легиона полностью отдохнувшие и готовые к походу. Мы только выиграем. Дни Лициния сочтены. Так или иначе. Мы заставим его подчиниться императору.

-Наверное, ты снова прав, - с неохотой согласился Квирин и тут же задал вопрос которого Крисп ожидал и потому усмехнулся услышав его, - а сколько легионеров ты заберёшь у меня?

-Все командующими легионами отпустят по пять когорт. И ты не станешь исключением.

-Цезарь! - раздалось за его спиной голос вошедшего легионера. - Прибыл лекарь из Рима.

-Слава Богам, - радостно воскликнул Крисп. - Веди его сюда. Спустя несколько мгновений в палатке появился молодой человек с бледным лицом. Он облачён в жёлтый плащ с капюшоном. Капюшон слетел как только он появился в палатке. Молодой лекарь поклонился Криспу и почтительно произнёс:

-Моё имя Уросий. Я прибыл по твоему приказу, Великий Крисп!

- Ты слишком молод. Умеешь ли ты лечить раны полученные от огня? - с некоторой подозрительностью оглядывая прибывшего лекаря, спросил Крисп.

-Никто в Риме, лучше меня не умеет лечить ожоги! - лекарь Уросий снова поклонился Криспу.

-Посмотрим чего стоят твои хвастливые слова, - всё ещё недоверчиво произнёс Крисп и поинтересовался привёз ли с собой Уросий необходимые снадобья для лечения ран.

-Позволь мне заняться твоей раной и тебе станет сразу легче, - последовал ответ.

Услышав эти слова, Крисп невольно схватился за обожжённое ухо, и тут же стиснув зубы, кивнул головой. Уросий исчез. Прошло совсем немного времени когда он вновь появился в палатке со свёртком в руке. Он положил свёрток на стол а затем и развернул его. Крисп и Квириин устремили любопытные взгляды в сторону содержимого свёртка. Почти одновременно у обоих появилось на лице недоумение. Лекарь Уросий достал из свёртка серебряную ложку, два куска белой материи и...несколько куриных яиц . Одно из них он тут же на их глазах разбил, затем ловко опорожнил содержимое яйца в ложку. Затем с той же ловкостью слил белую оболочку яйца в пустую скорлупу. Скорлупу он положил на стол, а ложку, на которой остался желток, поднёс к горящей свече. Желток начал дымиться и менять цвет под воздействием огня. -Для чего ты это делаешь? – полюбопытствовал Крисп с интересом наблюдая за его действиями.

Не отводя взгляд от ложки, Уросий пояснил свои действия:

-Когда яйцо хорошо прожариться, я нанесу его на твою рану!

-Горячим? Мне вполне хватает той боли что уже есть!

-Доверься мне, Цезарь, и ты не пожалеешь!

-Хорошо, – после короткого раздумья согласился Крисп. – Смелости тебе не занимать. Делай как знаешь, но если мне станет хуже...я прижгу своё лицо, но не яйцом а углями.

-Тебе не станет хуже!

Уросий убрал ложку от свечи и скинул почерневший желток на белую материю. Затем ухватив его уже материей, подошёл к Криспу и стал быстрыми движениями втирать его в обожжённые места. У Криспа возникло такое ощущение, будто у него голова загорелась. Не успели появиться это чувство, как возникла прохлада. И она не только возникла, но и стала накрывать все места, которые жгли его все эти дни. Всё происходило настолько быстро, что он не успевал проследить за собственными ощущениями. Прошло немного времени и Уросий вернулся к столу, чтобы забрать второе яйцо с которым он проделал то же самое, что и с первым. Когда он закончил втирать второе яйцо, Крисп почти не чувствовал боли. И оттого выглядел изрядно обескураженным.

-Простое яйцо, – постоянно повторял он, – как такое возможно? Я столько времени воюю, но ни разу не слышал о таком лечении...а повязка? – внезапно спросил он Уросия. Тот в ответ отрицательно покачал головой.

-Повязка хороша когда рана от меча. А сейчас она лишь усилит боль.

-Я убью наших врачей, – с яростью пробормотал Крисп. Затем обернувшись в сторону Квирина, сказал, – потом договорим. Сейчас надо помочь несчастному Демиусу. Следуй за мной, – последние слова уже были адресованы Уросию, – и яйца свои не забудь.

Глава 11

Направляясь в свой шатёр, он и не подозревал, что именно в эти часы он стал предметом самого серьёзного обсуждения. Больше того, его персону, по всей видимости, многим не давала покоя. В большей степени это касалось того самого Лициния, или как его ещё именовали «император Востока». Уединившись со своим ближайшим сподвижником по имени Секст Марциниан, он выдвигал одну версию за другой, стараясь предугадать действия своих противников.

– Да заберёт его к себе Меркурий, – говорил Лициний нервно прохаживаясь перед Марцинианом, – Крисп столь же коварен как и Тривия. Мы должны опасаться его. Довольно ошибок. Я более не стану на него нападать.

– Но это неразумно, – возражал на это Марциниан, – лагерь Криспа находится в дне пути от Хрисополя. Наши разведчики донесли, что он распустил часть своей армии. У него осталось не более двадцати тысяч воинов. На флот он тоже рассчитывать не сможет. К тому же он обескровлен сражением. У него много раненных. Самое время ударить. После подхода армии Константина у нас более не будет такой прекрасной возможности.

– Распустил часть своей армии? – остановившись с издевкой переспросил Лициний. – Только глупцы подобные тебе могут верить слухам распускаемым Криспом. Наверняка они сидят в засаде, и ждут, когда мы снова попадёмся в ловушку.

– Светлый царь, я настоятельно советую, – начал было Марциниан, но Лициний резко его перебил:

– В прошлый раз ты советовал напасть на Криспа у стен Византия. Я послушался тебя и потерял весь свой флот. Будь ты жрецом Марциниан, я бы давно приказал содрать с тебя шкуру. Но, я не злопамятен. Ты будешь не только прощён, но и возвеличен. Марциниан поклонился, но услышав следующие слова, позеленел от страха.

– Я назначаю тебя правителем Западной империи!

– Правителем Западной империи? И как мне принять эту великую должность? Отправиться в Рим и попросить императора Константина...уступить свой трон?

– Тебе нелегко придётся, – согласился Лициний, – Константин вполне способен тебя казнить за дерзость. Или это сделаю, – устремляя жёсткий взгляд на Марциниана, с угрозой добавил император, – если хотя бы один легионер Криспа появится в Хрисополе.

– Криспа? – Марциниан призывал себя к молчанию. Он лучше других знал мстительный нрав императора и всё же не мог сдержаться, услышав очередную глупость из его уст. – Поверь повелитель, нам больше следует опасаться Константина который направляется сюда во главе сотысячной армии.

– Константин мне не страшен. Он всего лишь умён. Но не больше. Главная опасность исходит от Криспа. Если он не придёт, мы выстоим. А если нам удастся поссорить его с отцом, я разобью армию Константина. Может пообещать ему трон императора Рима? – Лициний устремил вопросительный взгляд на Марциниана. Тот неопределённо покачал плечами.

–Можно испробовать и этот способ. Но надежды мало. Крисп в любом случае получит этот трон. Потом он слишком честен и как твердит молва, предан своему отцу.

–В таком случае, поступим наоборот. Подошлём к Константину человека. Пусть сообщит о том, что Крисп согласился на союз со мной. Если нас удастся его убедить, он без раздумий прикажет казнить Криспа и мы избавимся от опасности.

–Повелитель, – с некоторой осторожностью заговорил Марциниан, – ты недооцениваешь наше преимущество. Мы знаем, что Константин поверил твоему мнимому смирению. Он пребывает в ложной уверенности по поводу численности твоей армии. Константину известно только о двадцати пяти тысячах. Оттого он и идёт налегке, хотя мог собрать армию вдвое больше. Стены города, – видя что Лициний внимательно прислушивается к его словам, он с воодушевлением продолжал, – неприступны. Город окружён скалами. Они невысокие, но совершенно гладкие. И это обстоятельство позволит нам с лёгкостью сбивать лестницы. На стенах, возле каждой бойницы сложены груды камня. Приготовлена смола, дрова и котёл. У нас огромные запасы хлеба. Вода поступает из подземных источников. Наша армия с лёгкостью продержится несколько месяцев. За это время армия Константина истощит свои силы в постоянных атаках. У них не будет и хлеба. Во многих деревнях близ Хрисополя, чума унесла жизни большинства крестьян. Сейчас мало у кого найдётся хлеб. Иными слова говоря, придя сюда они обрекут себя на поражение. Нам следует лишь дождаться нужного часа и двинуть вперёд те пятьдесят тысяч, которых мы спрятали от постороннего глаза в подземельях Хрисополя. Всё буде закончено за одну ночь. Ты станешь императором Рима и самым великим из правителей.

Последние слова вызвали горделивую улыбку на губах Лициния. У него даже осанка изменилась. Однако император недолго наслаждался представленной ему картиной. Очень скоро его лицо вновь стало озабоченным. –И не забывай о воде, – предостерёг он Марциниана, – она должна быть везде, на каждой улице. Мы не должны позволить Криспу обмануть нас. Я лично пройду по всему городу и всё проверю. Ты понял?

Марциниан поклонился, но не Лицинию, а его супруге. Едва появилась Констанция облачённая в длинную чёрную тогу, Марциниан немедленно покинул комнату. Лишь убедившись в том, что они остались одни, Констанция молитвенно сложив руки обратилась к своему супругу:

–Заклинаю тебя всемогущими Богами, – сказала она, – немедля садись в седло и скачи навстречу Константину. Поднеси ему своё смирение и покорность. Он не захочет сделать свою сестру вдовой. Император простит тебя.

Лициний засмеялся, однако искренности в его веселье не слышалось вовсе.

–Скоро ты будешь умолять меня пощадить твоего брата, – высокомерно ответил Лициний.

– Если ты не сделаешь до его прихода в Хрисополь, тебя ничто более не спасёт. Константин может простить брата, но никогда

простит человека, который не сдержал данного ему обещания.

Покорись. Так ты сохранишь и свою честь и свою жизнь.

–Трон Рима почти в моих руках, а ты советуешь сдать, – вне себя заорал Лициний, – прочь отсюда, иначе я сочту тебя предательницей, посланной ко мне Константином.

Ответом ему был лишь взгляд полный жалости и участия.

–Помнишь ли ты, Максенция? – тихо спросила у него Констанция. – В дни своего величия, он насмеялся над Константином и не раз даже при мне намекал на то, что скоро уничтожит его. Лишь однажды Константин позволил себе ответить. Мы были юны, но я по сей день помню его слова. Он сказал Максенцию: «осёл как – то раз решил обхитрить своего седока. Закончилось всё тем, что ослу пришлось его возить на себе до самой смерти». Мы тогда посмеялись над Константином, посчитав эти слова глупостью. А несколько лет спустя, перед тем как покончить с собой, Максенций признался в том, что только сейчас понял смысл этих слов. – Констанция грустно улыбнулась, – ты слеп, как и все те кто противостоит Константину. Вы не понимаете самого главного. Константин обладает удивительной мудростью. Его поступки, решения можно понять лишь после того, как пред тобой воочию явится результат. Он всегда и всех очень внимательно слушает, но никогда не поступает, так как ему советуют. Запомни, мой брат во много крат мудрее всех тех, кто окружает его. Тебе не удастся его обмануть или заманить в ловушку. А он способен предугадать все твои шаги.

–Опасен Крисп а не Константин, – уже более спокойно возразил Лициний, – вот кого действительно стоит опасаться.

–Ты ошибаешься. И скоро раскаешься в своём упрямстве. Прими решение, пока ещё не поздно. Или...потом не обращай ко мне за помощью.

Констанция ушла оставив Лициния. Тот лишь насмешливо оскалился провожая её уход. Слова супруги мало его тронули. Гораздо больше его волновало его...вода. По этой причине, Лициний покинул дворец и в сопровождение двух десятков воинов из личной охраны отправился в город.

Зрелище, которое представало ему раз за разом, успокаивало и вселяло надежду. Повсюду кипела работа. Город готовился к предстоящей осаде. Тысячи людей работали не покладая рук. Меха в кузницах ни останавливаясь, ни на мгновение. Лициний самолично убедился в том. Через все три городских ворота, огромным потоком вливались повозки. На некоторых из них были заметны туши с валеным мясом. На других – мешки с ячменем. Были и повозки наполненные камнями. Обычно такую поклажу можно было определить сразу по изнурённому виду лошадей. Но более всего Лициния успокаивал вид огромных деревянных чанов. Они стояли на перекрёстке каждой улицы. К каждому такому чану была приставлена деревянная башня, внутри которой была сооружена лестница. Наверху башни была сооружена площадка. С трёх сторон площадка была закрыта деревянной перегородкой и лишь одна часть оставалась свободной. Свободная часть примыкала к самой горловине чана. Там стояли четыре человека, которые и наполняли

чан водой. От них, и до ближайшего колодца выстроилась цепочка людей. Благодаря такому подходу, чан быстро наполнялся водой. В нижней части чана было сооружено круглое приспособление длиной в локоть, которое позволяло регулировать подачу воды. По всей длине этого приспособления имелись шесть отверстий, в которых были забиты деревянные затычки. Именно с помощью этих затычек и регулировалась подача воды.

Чаны стали появляться в городе, на следующий день после того, как Лициний узнал, каким образом удалось Криспу уничтожить его флот. Эта мера должна была исключить возможность поджога города. Он по непонятной причине был уверен в том, что Крисп снова готовит ему ловушку. И эта мысль не давала ему покоя до той поры, пока он собственными глазами не убедился в том, что в городе достаточно воды для того чтобы потушить любой пожар.

Глава 12

Фессалийка Виталия устремила грустный взгляд на свою постель. Всего лишь охапка соломы, покрытая куском белой материи и маленькая подушка. Тоже из соломы. Постель и свёрток с её скудным скарбом. Вот всё что осталось от прежней короткой, но прекрасной жизни в доме Скапулы. Да, ещё ей позволили оставить этот роскошный хитон с золотистыми узорами и позолоченный пояс. Виталия, как была в одежде так и опустилась в ней на свою постель. Она повернулась на бок и устремила взгляд на полог из кружевного шёлка за которым находилась спальня её новой хозяйки. Грусть в глазах не уходила. Не приходил и сон, несмотря на усталость. На память Виталии стали приходить те короткие десять дней которые она провела в доме Скапулы. И более всего она вспоминала доброту...Квинта Скапулы. Он выделил ей поистине королевские покои. Подарил несколько нарядов. Но что самое важное, позволил ей, пусть на очень короткое время – почувствовать себя свободной. Воспоминания о нём заглушали ненависть которую она питала ко всем римлянам. Первая встреча, первый разговор, – из груди Виталии вырвался судорожный вздох, – она была уверена в том, что он захочет её взять силой. Она ожидала всего, но не...доброты и понимания. Квинт заставил её задуматься тогда. Ну а потом, она думала о нём всё больше и больше. Уже на следующий день после разговора, она хотела заговорить с ним, но не стала по причине того, что он мог воспринять этот разговор за слабость. Он мог расценить это как благодарность за те блага, которыми он её одаривал. И потребовать за это награду. Сейчас, она готова была дать эту награду, но тогда...она воспринимала её с презрением. Он раз за разом, выказывал ей своё уважение, она же в ответ показывала свою ненависть. Он возносил – она низвергала. Виталия видела его глаза. Он понимал её чувства и всё же, ничем не показывал свою обиду. Он оберегал и защищал её. И она это чувствовала. Она это видела. И это её злило. Она не понимала, чего он хочет. Что

за игру затеял? А потом...состоялся последний разговор. Сколько раз Виталия слышала эти слова в своём сердце и сколько счастья они принесли ей. Квинт пришёл к ней в покои:

-Виталия, - сказал он ей, - мои слова не принесут тебе облегчения, но всё же...я хочу попросить у тебя прощения. Видят Боги, я сделал бы всё чтобы спасти твою семью, но не в моей власти вернуть их к жизни. Мои чувства к тебе слишком сильны, ибо я полюбил тебя, едва увидев. Но даже они не способны изгнать ненависть из твоей души.

Из груди Виталии вырвался ещё один судорожный вздох. Она смотрела, как уходит Квинт и перед глазами вставал его взгляд. Сейчас она понимала причину, по которой он подолгу смотрел на неё грустными глазами. Он открыл ей своё сердце, а она оттолкнула его. От этой мысли ей становилось хуже. Но несравненно большую боль приносила другая мысль. Квинт сразу ей понравился. Она чувствовала, с какой силой её тянет к нему, и злилась на себя, считая это слабостью. Что ж, теперь она может быть довольна. Она сумела сохранить и свою честь, и свою гордость. Тогда почему ей так хочется закричать: «Вернись Квинт. Ты ошибся. Во мне нет ненависти к тебе». А если она и закричит, он не сможет её услышать. Квинт ушёл. Он подобно всем римлянам отправился на очередную войну. Об этом ей на следующий день сообщил сам Публий Скапула. Его слова разрушили последнюю надежду Виталии на встречу с Квинтом:

-«Мой сын отправился на войну. Ты же отправишься прочь из этого дома. Моё решение расстроит Квинта, но я не в силах видеть раба который заставил страдать моего сына. Будь благодарна за то, что я не наказываю тебя а просто отправляю с глаз долой.»

Как ни странно, но Виталия хорошо понимала причину поступка Скапулы. Он был груб, но справедлив к ней. Она заслуживала гораздо худшего отношения и ожидала, что он так и поступит. Но Виталия снова ошиблась. Её привезли в этот дом и доверили уход за супругой Цезаря Криспа. Она стала её личной служанкой. Если бы не Квинт, она вполне могла чувствовать себя совершенно счастливой, ибо едва ли не сразу привязалась к своей госпоже. Приветливость и доброжелательность Елены сразу расположили к ней Виталию. Обе были почти одинакового возраста и это обстоятельство ещё более способствовало сближению. И это не всё...ужасный вопль прервал все мысли Виталии. Она вскочила с постели и со всех ног бросилась в опочивальню своей госпожи. Едва она отдернула полог, как перед ней предстала сидящая в постели Елена с бледным лицом. Глаза её были полны ужаса. Через мгновение. Виталия уже стояла рядом с ней и шептала мягкие слова, пытаясь успокоить. Ей стало ясно, что причиной крика стал сон. Видимо, она увидела в нём нечто ужасное.

-Помоги одеться, - выдавила из себя Елена.

Виталия помогла ей покинуть постель, а затем накинуть одежду и обуть сандалии. Уже в конце, она накинула на её плечи плащ и медленно вывела на открытую террасу. Здесь они остановились. Виталия заняла место справа от своей госпожи. Некоторое время. Елена стояла на террасе и глубоко вдыхала ночной воздух, а затем

едва слышно промолвила дрожащим голосом:

-Я видела своего сына...без головы. Вокруг было много крови. Я бросилась...на колени и стала ползти к нему. Его...отрубленная голова была живой. Глаза смотрели прямо на меня, умоляя о помощи. А потом... я увидела моего мужа. Он что-то кричал мне. Я не слышала, поэтому он побежал в мою сторону. А потом я увидела топор...он опустил прямо на меня...и я увидела уже свою голову, лежащую рядом с головой сына. Страшнее сна мне не приходилось видеть.

-Тебе приснился счастливый сон, - произнесла Виталия придавая голосу уверенность, - смерть во сне означает долгую жизнь. Боги дали тебе знать, что ты и твой сын будете счастливы.

-Откуда тебе это известно? - Елена встрепенулась и полуобернувшись устремила на Виталию взгляд наполненный радостью и сомнением.

-Наши жрецы так говорили. И почти всегда это оказывалось правдой, - ещё более уверенно ответила Виталия.

-Да услышат тебя Боги, - прошептала Елена возвращая голову в прежнее положение, - я же завтра же принесу им в благодарность десять овец за меня и моего сына, и одного быка за моего мужа. Да уберегут его от опасности Боги!

Виталию так и тянуло поговорить со своей госпожой. И конечно, она не собиралась признаваться в том, что солгала ей говоря о жрецах. Но что ей ещё оставалось делать? Она желала успокоить её, и потому пришлось солгать. Истинная же причина её желания скрывалась в словах самой госпожи. В её словах она почувствовала любовь.

-Могу я спросить, госпожа?

-О чём?

-Ты любишь своего мужа?

Этот вопрос унёс остатки страха которые владели Еленой. Она легко рассмеялась и бросила нежный взгляд в сторону Виталии:

-Всей душой. Криспа нельзя не любить. Ты поймёшь это, как только увидишь его. Он красив, умён и весел даже тогда, когда его жизни угрожает опасность. О нём мечтало много женщин. Сам Флавий Лициний желал женить его на своей дочери. Даже потом, когда мы уже были женаты, он прислал послов к императору, предлагая этот союз снова. Но Крисп настоял на своём. Он выбрал меня, и я горда этим. И я дорожу любовью моего мужа. Это самое дорогое, что у меня есть.

-Ваш муж...первым признался в любви? - спросила Виталия явно думая о своём.

-А почему ты спрашиваешь? - с лукавой улыбкой задала вопрос Елена. - Тебе признались в любви? Уж не потому ли мой добрый дядюшка спровадил тебя ко мне? - она снова рассмеялась и уже весело продолжила. - Теперь я понимаю и смысл этого странного письма, в котором он просил меня обращаться с тобой как с равной.

-Он просил за меня? - поразилась Виталия. Она замолчала, но тут же призналась в том, что считала будто Скапула ненавидит её.

-Всему Риму известно какой он добряк. Мой дядюшка не может

никого ненавидеть, поэтому всегда насмехается и старается напугать. Тем самым он хочет показать, что не так добр, как о нём думают. Но ему давно никто не верит. Разве только ты. – Елена вновь устремила лукавый взгляд на Виталию, которую этот разговор смущал всё больше и больше. – Ты мне так и не ответила. Неужели Квинт влюбился? Он говорил тебе о своей любви?

Виталия только и смогла что кивнуть головой в ответ на этот вопрос:

– Тебе повезло!

– Не очень. Я отвергла его!

Услышав эти слова Елена рассмеялась пуще прежнего.

– Бедный Квинт, – сквозь смех выдавила она, – . Он всегда был стыдлив и сторонился женщин. Первая попытка и неудача...

– Я не понимала, – прошептала Виталия, не поднимая глаз.

– Ну, если ты передумала, мы вполне бы могли известить Квинта о твоём решении.

– Это возможно, госпожа? – встрепенулась Виталия бросая при этом полный взгляд надежды.

– Безусловно, – подтвердила Елена, – нам лишь следует обсудить текст письма. Что следует написать? Какое слово? Передумала? Раскаялась? Одумалась? Пожалела? Сниззошла? Люблю?

– Последнее слово лучше, – краснея призналась Виталия.

– Я так и думала, – довольная собой произнесла Елена. – Мне необходимо сделать кое-какие покупки в Риме. Ты поедешь со мной. После того как мы навестим торговцев, у нас останется немного времени. Мы используем его для того чтобы отправить гонца к Квинту.

– Ты так добра ко мне, – в порыве благодарности, Виталия наклонилась и схватив руку Елены прижалась к ней губами. Чуть позже сама Виталия устыдилась своего поступка. Никогда прежде она не поступала таким образом. Елене же её поступок доставил истинную радость. Она поняла, что рядом с ней преданная душа и возможно будущая супруга Квинта с которым они выросли вместе и которого она любила как брата. Ни разу за время беседы, Елена не дала почувствовать Виталии, что она всего лишь рабыня. И вела она себя так не из – за просьбы Скапулы. Виталия и ей понравилась. Она её воспринимала больше как друга нежели как слугу коей она и являлась на самом деле. И такое положение дел доставляло удовольствие прежде всего самой Елене. У неё никогда не было подруги. И вот теперь она могла появиться. Все эти мысли пронеслись в голове Елены за одно мгновение. И желая претворить разговоры в дело, она набрала в грудь побольше воздуха и громко позвала в темноту:

– Артемий!

Откуда – то снизу, из темноты, раздался в ответ знакомый голос Артемия.

– Я здесь!

– А я и не сомневалась, – пробормотала Елена так тихо что её услышала лишь Виталия. Затем она возвысила голос и продолжила, – завтра я отправляюсь в Рим за покупками. Тебе не обязательно меня сопровождать. Ты останешься здесь и будешь ждать моего

возвращения.

В ответ раздалось короткое:

-Нет!

-Ты возражаешь мне? – Елена скорее была удивлена нежели разгневана.

-Нет. Я выполняю приказ Цезаря.

-Он приказал никуда не выпускать меня?

-Нет, – раздалось после короткого молчания.

-Значит я могу ехать? – уточнила Елена.

-Без меня, нет!

-Хорошо. Можешь меня сопровождать, – уступила Елена.

На том короткий разговор с личным стражем мужа закончился. Елена сразу же отправилась спать. Беседа с Виталией и предстоящая поездка заставили её забыть о своих кошмарах. Она сразу и крепко уснула. Виталия же не сомкнула глаз. Её переполняла радость. Она снова и снова представляла лицо Квинта, когда он прочтёт письмо. Возможно прочитав письмо, он сможет приехать к ней. Последняя мысль заставила её затрепетать. Она могла стать его женой, она могла стать любимой и свободной как прежде.

Следующим утром, Елена и Виталия сидели в закрытых носилках.

Восемь крепких рабов подхватили нелёгкую ношу и двинулись трусцой в сторону небольшого холма за которым начиналась дорога ведущая в Рим. Жену Цезаря за исключением самого Артемия, который ехал впереди, ещё два верховых стража. Все трое были хорошо вооружены и не спускали глаз с носилок. А день тем временем обещал стать жарким. Несмотря на раннее время. Солнце успело взойти высоко и нещадно палило. Но жара явилось лишь жаркой преградой по сравнению с тем, что предстало взглядам стражей, когда они выехали на дорогу. Навстречу им нёсся отряд из дюжины всадников. И все были до зубов вооружены. На всадниках не имелось отличий или знаков, что несомненно внушало тревогу. По этой причине, Артемий подал знак рабам чтобы они остановились. Сразу после этого, он приказал двум стражам занять позиции по обе стороны носилок, а сам остался впереди дожидаться подхода отряда. Он надеялся, что они проскочат мимо, однако его чаяниям не суждено было сбыться. Всадники быстро окружили их и потребовали сдаться. В ответ Артемий обнажил меч и ответил, чтобы они убивались с их пути.

-Я сопровождаю жену Цезаря. Флавий Крисп уничтожит вас если узнает что вы пытались напасть на его жену!

В ответ раздался высокомерный голос одного из нападавших:

-Флавий Крисп подчинится воле императора. Я действую от его имени. Сдавайтесь и следуйте за мной. Это приказ.

-Ты лжёшь, – закричал Артемий бросаясь на говорившего.

Завязался короткий но кровопролитный бой. Женщины слышали шум сражения, но так и не могли ничего понять из происходящего, за исключением того что на них напали. Лязг метала скоро ушёл. На мгновение воцарилась тишина. А вслед за ней полог откинулся и раздался жёсткий голос:

-Елена, я беру тебя в плен. Ты будешь отведена и посажена в темницу.

-Мой муж Флавий Крисп, - гневно вскричала Елена, - как вы посмели...- она не договорила. А затем стала покрываться мертвенной бледностью. В руке говорившего с ней человека лежала... личная печать императора.

-Повинуйся!

-Мой сын...умоляю вас...ему нет и одного года, - нашла в себе силы сказать Елена. Её глаза поневоле стали наполняться слезами.

-Он будет взят под стражу и препровождён в отдельную темницу, - последовал безжалостный ответ. Затем рука говорившего указала на Виталию. - Ты можешь уйти.

-Я не оставлю мою госпожу, - ответила Виталию и взяла безжизненную руку Елены в свои ладони. Полог закрылся. А спустя мгновение, носилки тронулись. Они ещё не исчезли из виду, когда раненый в грудь Артемий шатаясь, поднялся с земли. Оба следовавших с ним стража были мертвы. В живых остался он один. По непонятной причине его не стали убивать, хотя могли это сделать. Возможно, они просто приняли его за мёртвого. Артемий с огромным трудом взобрался на свою лошадь. Зажав рукой кровоточащую рану, он тронул коня. При этом повторяя как молитву одни и те же слова:

-Надо сообщить Цезарю! Надо сообщить Цезарю!

Глава 13

Никея расположилась полукругом у берега большого озера. Маленький город, но с большим разнообразием товара. Торговцы попадались на каждом шагу. Они наперебой предлагали свои товары. Более всего преобладали ткани и украшения. Роскошь Рима с опозданием, но распространялась по всей империи. И многие желали почувствовать в себе его прелесть. А для того в первую очередь были необходима дорогая ткань и немало золота. Впрочем, здесь в отличие от Рима не понимали разницу в одежде, и вполне могли появиться на празднестве в тоге, которая в столице использовалась как знак печали. Иные даже умудрялись закрывать тканью правое плечо или правую грудь, что в самом Риме считались действием недопустимым. Здесь же это действие позволяло наиболее выгодно показать красоту одежды или полное отсутствие вкуса, что по сути означало одно и то же. Все эти незначительные детали отмечал про себя Авсоний, прибывший сюда по воле императора. Уже в первый день он успел осмотреть весь город и отметить для себя наиболее значимые события. Для начала, количество торговцев уступало лишь количеству христиан. Всякого рода проповедники, здесь встречались ничуть не меньше. И если раньше все христиане выглядели одинаково, сейчас часть из них изменилась, как по внешнему виду, так и по своим суждениям. На мысли о суждениях, Авсоний остановился. И хотя ни одного из христианских епископов в городе к его удивлению, не оказалось...здесь можно было узнать много интересного. Потом, судя по слухам здесь находился тот самый Арий, с которым просил

поговорить император. Но он не носил сан епископа. Позже, Авсоний узнал, что Арий состоял в подчинение епископа Александрийского. Того самого, с кем у него завязался спор в который позже ввязались все христиане. Опять же судя по слухам, они даже были прибыть позднее. Когда? Никто не знал. От внимательного взгляда Авсония не ускользало ничего. Он наблюдал за людьми с деревянными и иными крестами, прислушиваясь к их речам и делая собственные выводы. Раз или два, он заметил как небольшие толпы людей направляются к берегу озера. Им охватило любопытство. И оно повело его вслед за ними. Очень скоро он увидел большую толпу людей. Все они сидели почти у самой воды. Отдельно стоял невысокий, худощавый человек в облачении из грубой ткани. Ногу были обуты в изрядно изношенные сандалии. Он говорил громко, но медленно и очень выразительно. Подчёркивая некоторые слова взмахом руки. Расслушав слова «пресвитер Арий», Авсоний занял место среди тех, кто сидел на камнях справа от Ария и превратился в слух.

-И есть ли это истина? - громко вопрошал Арий вздевая руки к небу так, словно надеялся получить оттуда ответ. - есть ли истина в том, что Христос - сын Божий? Если есть, то какова эта истина? Каждый из вас, - Арий опустил руки и на этот раз обвёл ими вокруг себя. - Каждый из вас может ответить на этот вопрос. Для этого достаточно задаться простыми вопросами: Может ли сын быть равным отцу? Может ли обычная женщина произвести на свет Бога? Нет, нет и нет. Сын может быть первенцем, лучшим, любимым, но не равным. А женщина может родить подобного себе, но не Бога. Или признавая рождение Бога - простой смертной, мы должны допустить такую же возможность в отношении любой из женщин. Авсоний со всем вниманием продолжал слушать Ария, но при этом делал свои наблюдения и выводы. А он не так прост, как мне казалось, - думал он, вслушиваясь в его пылкую речь, - доводы которые он приводит слишком значительны чтобы остаться без внимания. При этом всю речь Ария можно облечь в несколько слов - он отрицает Христа как Сына Божьего. Последний вывод заставил Авсония задуматься. В голове появилась ясная мысль. Вся вера христиан зиждилась именно на этой незыблемой для них истине. Отрицания Христа как Сына Божьего могло уничтожить всю веру. Неужели Арий не понимает этой простой истины? А если понимает, то чего добивается? И не тщеславием ли руководствуется, подвергая сомнению свою собственную веру? А не может ли быть, что он желает стать новым пророком? Ход мыслей Авсония оборвался. Позади него шёл приглушённый разговор который заинтересовал его настолько, что он перестал слушать Ария: -В словах Ария есть истина, - произнёс один мужской голос. -В чём же ты видишь эту истину? -Как может быть Христос равен Господу? Это всё равно, что я признаю своего сына равным мне. Он может обращаться со мной как того захочет. Разве это правильно? -Ты говоришь о Боге, - возразил второй голос, - здесь не уместны такие сравнения. -А разве ты признаёшь Христа? Или ты успел изменить своё мнение?

Авсоний не видел людей которые разговаривали. Он не оборачивался, чтобы не выдать свой интерес.

-Нет, - последовал короткий ответ, - но я не признаю и Ария. Все мы почитаем своих матерей как святых и только они заслуживают поклонения.

Послышался приглушённый смех, а за ним и слова. Вернее вопрос:

-Женщина...Бог?

-Да. И перестань смеяться над моими словами. Разве не женщина даёт начало жизни? Именно она олицетворяет любовь и прощение. Она олицетворяет всё прекрасное. И только она может быть Богом. Любое иное существо не понятно для меня, а мужчины...они только и могут говорить или творить зло. К тому же они слишком изменчивы.

-Ты говоришь как женщина, - раздался голос в котором отчётливо слышалось раздражение.

-Я говорю то, что думаю!

-Ты думаешь как женщина!

-А ты думаешь как осёл!

-Ты и оскорбляешь как женщина!

-Я могу ударить как мужчина. Хочешь посмотреть?

-Ещё бы не хотеть. У меня такое чувство, что ты начнёшь царапать мне лицо и визжать...ах ты сын собаки, - голос перешёл в рёв.

Авсоний не выдержал и обернулся. В нескольких шагах от него двое здоровых парней во всю награждали друг друга увесистыми ударами.

У одного из них кровь струилась из носа, но сдаваться, по всей видимости, он не собирался. Ему показалось странным то

обстоятельство, что они удивительно похожи друг на друга. Не один Авсоний смотрел на драку. Многие посмеивались, наблюдая за ней. Никто и не пытался их разнять. Основательно помяв друг другу бока и не только, они разошлись в разные стороны.

Возможно, Авсоний бы и не придал этому событию столь серьёзного значения, если бы некоторое время спустя не увидел их рядом. Оба сидели на корточках у кромки воды и смывали с лица кровь.

-А они совсем не обидчивые, - пробормотал под нос Авсоний, - пожалуй они могли бы пригодиться императору, особенно сейчас когда надо так много всего узнать и понять.

Он направился в их сторону и подошёл как раз в тот миг, когда один из них произнёс:

-Руку на старшего брата поднял, собака... - вслед за этими словами, один влепил второму звонкую пощёчину и тот не удержав равновесия полетел в воду. Подвергший внезапному нападению тут же поднялся и как ни в чём ни бывало, вернулся на прежнее место. Раздался громкий смех.

-Они мне нравятся всё больше и больше, - пробормотал Авсоний и уже громко добавил, - не поможете ли римлянину найти достойное место для вкушения пищи?

Глава 14

Авсоний всегда считал, что лучший способ завязать дружбу - это угостить нужного человека вкусной пищей. А существовала ли пища достойнее Луканской колбасы? Если и существовала, в этом городе

ничего об этом не знали. Разместившись под навесом вместе со своими новыми друзьями, Авсоний с откровенным удовольствием наблюдал за действиями двух бородачей. Оба старались есть так медленно, как только могли. И потому, не сразу откусывали очередной кусок желанной колбасы. Каждый раз оказываясь у рта, колбаса проходила тщательный осмотр, потом становилась немного короче и возвращалась назад, в оловянное блюдо. Сам Авсоний, лишь попробовал её на вкус. Как он и предполагал, вкус ничем не напоминал то лакомство которое подавали в Риме. Пока они ели, он успел узнать, что одного из них зовут «Пётр», а второго «Павел». Их отец дал им эти имена в честь апостолов Петра и Павла. Последнее и упоминать не стоило, ибо и так было ясно. Но Авсоний не мешал им говорить. Говорили оба мало, при этом умудряясь, перебивать друг друга. Пётр был старшим. Ему исполнилось двадцать пять лет. Он был на три года старше Павла, которого обозвал «женщиной». И обозвал совершенно незаслуженно, так как младший брат превосходил его как ростом, так и сложением.

-22 динария за одну колбасу, - раздался над ухом Авсония голос хозяина заведения.

-22? - поразился Авсоний. - В Риме её можно купить за 12. Самая лучшая Луканская колбаса стоит не более 16 динариев.

-У нас такие цены, - раздался короткий ответ.

-Хорошо!

Авсоний не стал спорить. Он отсчитал требуемую сумму. Это действие стало сигналом для обоих братьев. Они быстро доели колбасу и встали. Чуть позже все трое отправились бродить по городу. Авсоний шёл между двумя братьями и время от времени задавал им вопросы, на которые оба отвечали с огромной охотой. Услышав вопрос о своём отце, Пётр самым подробным образом рассказал о нём. Он у них состоял в чине «Диакона». До последнего времени служил в Никее. Несколько месяцев назад, епископ отстранил его от службы по причине того, что он изобличал Ария как еретика. Услышав эти слова, Авсоний спросил имя епископа изгнавшего их отца. Ответ заставил его испытать глубочайшее удивление.

-Евсевий? - несколько раз спросил он, каждый раз получая утвердительный ответ.

Кто бы мог подумать? Евсевий...сторонник Ария. Становился понятным смысл императорской просьбы. Видимо, Евсевий сумел внушить ему те самые истины, о которых вещал Арий. Авсоний незаметно усмехнулся. Следовало сразу понять, откуда ветер дует. Это была очень важная информация с точки зрения будущей встречи с императором. И он собирался её использовать. Погружённый в свои мысли, Авсоний на время упустил нить разговора. Однако слух выхватывал всё самое интересное из рассказа двух братьев. В особенности из того, что говорил Павел.

-О какой опасности ты говоришь? - переспросил он у него. - Почему я должен спрятаться в вашем доме?

-Ночью в этом городе происходят очень странные вещи, - оглянувшись по сторонам и понизив голос до шёпота, ответил ему Павел, - люди пропадают. Большею частью женщины и дети. Но

бывает, крадут и мужчин.

Авсоний даже остановился от удивления. Они оказалась напротив лачуги. На камне, перед входом сидела дряхлая старуха. Она вперила в них настороженный взгляд, словно ожидала неприятностей.

- И кто виновник? Имя известно? - осведомился Авсоний.

И Пётр, и Павел одновременно приложили палец к губам призывая к молчания. Когда Авсоний кивнул в ответ, Павел тихо ответил:

- После того как император позволил открыто проповедовать нашу веру и даже положил оклад Епископам и иным служителям, появилось очень много странных людей. До того их здесь не было. Эти, одеваются как христиане, носят крест, посещают проповеди, но совсем на нас не похожи.

- Почему ты так думаешь? - так же тихо спросил Авсоний.

- Мы с братом выследили их однажды, - признался Павел, - не будь ты так добр к нам, мы бы не предостерегли тебя. И лучше если ты прислушаешься к нашим словам. Опасность на самом деле велика. Старуха вызывала у Авсония неприятные ощущения, потому он двинулся дальше, а вслед за ним пошли и оба брата.

- Так что это за люди которые называют себя христианами, но совсем на них не похожи? - продолжил допытываться Авсоний. Он задал вопрос, как только они отошли от дома старухи и направились к небольшому холму по пыльной каменистой улочке. - В чём их опасность? И что вы видели?

- Это язычники, - Авсонию приходилось напрягать слух чтобы расслышать слова Павла. - Они поклоняются Богине Гекате.

- Они греки?

- Среди них есть и греки, и римляне, и даже люди из далёких земель. Но они не появляются в городе. Только сидят в пещерах на другой стороне озера.

- Вы там их видели? - Авсоний устремил вопросительный взгляд на братьев. - Проводите меня к ним?

Этот вопрос вызвал у братьев откровенный ужас. Оба сразу и наотрез отказались. Это так не вязалось с их обычным добродушием, что Авсоний сразу заподозрил неладное. Ему понадобилось приложить немало усилий прежде чем он услышал внятный ответ из уст Павла.

- Они приносят в жертву людей. Там везде человеческие кости. Зная ненависть императора к подобным ритуалам, Авсоний не мог не обрадоваться, услышав эти слова. Появлялась возможность выявить ещё одну языческую секту.

- Ночью проводите меня к пещерам! - свои слова Авсоний сопровождал весьма выразительным взглядом.

Оба снова отрицательно затрясли головами. На губах Авсония появилась незаметная усмешка. Он посмотрел на Петра, потом на Павла, а затем ещё более выразительней чем прежде, сказал:

- Вы меня проводите к пещерам. И это не обсуждается. Если не хотите по доброй воле, я могу обратиться к префекту вашего города.

- К префекту? - оба захохотали, но тут же замолчали и резко побледнели. В руках, Авсоний держал свиток с печатью. Эту печать

знал каждый. И они не были исключением.

-Отведёте меня к пещерам. Когда вернёмся, я щедро награжу вас обоих.

-Если вернёмся..., - пробормотал Пётр, - но ты сам решил. Если случится беда нашей вины в том не будет.

Авсоний не счёл нужным продолжать разговор. Угрозы его не волновали. Да и чего он мог опасаться если действовал от имени императора? Руководствуясь этими соображениями, он расстался с братьями, договорившись встретиться на следующее утро.

Едва забрезжил рассвет, все трое собрались на Западном берегу озера, в месте где обычно стояли лодочники. И здесь Авсония ждали сразу две неприятности. Вначале полил дождь. А затем, лодочник к которому он обратился, согласился отдать им свою лодку за небольшую плату, но сам плыть наотрез отказался.

Впрочем эти два обстоятельства ничуть не охладили пыл Авсония. В итоге, они втроём оказались в лодке. За вёсла сел младший брат, Павел. Дождь приносил с собой неприятный озноб, но ничуть не мешал продвижению вперёд. Через некоторое время, они уже приблизились к противоположному берегу настолько, что можно было видеть лес, а за ним скалистые горы. Когда лодка пристала к берегу, между ними возник лёгкий спор. Пётр настоял на том, чтобы его брат оставался в лодке и был готов к отплытию.

Авсоний увидел в словах Петра, желание уберечь брата от опасности, а заодно и приготовить путь к отступлению, по этой причине не стал возражать. В душе он посмеивался над поведением новоиспечённых друзей, полагая, что они сильно преувеличивают опасность. Он также без возражений принял кинжал от Петра. Тот вёл себя несколько нервно и Авсоний не желал усиливать его беспокойство. Встав плечом к плечу, они направились в сторону леса. Посреди густого ряда деревьев показалась хорошо утоптанная тропинка. Авсоний направился было к ней, но увидев как Пётр отрицательно качает головой, остановился и с раздражением спросил:

-Что на сей раз?

-Туда нельзя, - тихо ответил Пётр кивая в сторону тропинки. - Она слишком бросается в глаза.

-По - твоему это плохо? По ней ведь ходят люди!

-Слушайся меня Авсоний и тогда, быть может, мы вернёмся обратно живыми!

Авсоний, вынужден был подчиниться. В нём нарастало раздражение. Он подозревал и не без основания, что связался с трусами. Но ему ничего не осталось как молча следовать за своим проводником. Тот удалился на порядочное расстояние от тропинки и только потом решился войти в заросли деревьев. Целью их пути являлись скалистые горы, где судя по заверениям братьев и обитали те самые язычники. Авсоний. Вслед за Петром стал продирается сквозь деревья выбирая места где свободного пространства имелось больше. Дождь лил не переставая. И он заглушал даже звук хрустящих под ногами веток. Сплошная барабанная дробь. Они прошли по лесу совсем немного, когда ему показалось будто он слышит странный вой. Он бы не придал этому значения, если б

рядом не раздался настороженный шёпот:

-Кто- то плачет...

Авсоний прислушался. И действительно, сквозь шум дождя до него донёлся отдалённый плач. Или ему это кажется? Он посмотрел на Петра. Тот указал рукой направление, затем, со всей осторожностью двинулся вперёд. С каждым шагом звук становился всё отчётливее. То, что Авсоний принял за вой, оказалось стоном. Он был протяжный, и в нём звучал глубокая тоска. Помимо тоски было ещё что- то, что вызывало у него неподвластную дрожь. Плачь и стоны...что же это может быть? - размышлял Авсоний, следуя по пятам за Петром. - Как может человек одновременно плакать и так сильно стонать? Что происходит в этом месте?

Неожиданно Пётр остановился. Авсоний едва не наткнулся на его спину. Увидев, что Пётр указывает рукой вниз, он проследил это направление и...вздрогнул. По разбросанной на земле листве, тянулся размытый кровавый след. Одна часть уходила в сторону скал, вторая вглубь леса. Оба не стовариваясь, двинулись вправо, по следу, ведущему вглубь леса. Они едва ли успели сделать несколько шагов. За первыми же деревьями показалось основание ямы. Именно в ней исчезал след и именно оттуда доносились эти страшные звуки. Настороженно оглядываясь по сторонам, они подошли к краю ямы и заглянули вниз. Авсоний, вначале ничего не мог понять. Яма была неглубокой и оттого он очень ясно видел...юношу и девушку лежащих на дне. Они не были связаны и могли бы легко выбраться наружу, но по непонятной причине, не сделали этого, а только стонали, плакали и молили о помощи. Он даже не успел осмыслить происходящее, когда Пётр схватил его за руку и буквально потащил его к ближайшим деревьям. Следуя молчаливым знакам Петра, он вслед за ним, лёг на мокрую листву и прижался к земле. Оказавшись в укрытие, он продолжал наблюдать за ямой. Он отлично понимал, что Пётр почувствовал опасность, поэтому и повёл себя так. И вскоре он увидел эту опасность. Внезапно из- за деревьев с противоположной стороны, появились двое мужчин. Оба были закутаны в чёрные плащи с капюшонами. Капюшоны, практически полностью закрывали их лица. Но более всего Авсония поразили кресты, висевшие у них на груди. Они остановились у основания ямы и стали о чём- то совещаться. Затем, один из них спрыгнул вниз. Настал миг который мог прояснить многое из того, что здесь происходило. И Авсоний не собирался его упускать. Бросив на Петра многозначительный взгляд и у него на глазах, он вытащил кинжал, а в следующее мгновение поднялся и быстро метнулся вперёд. Стоявший возле ямы человек и охнуть не успел. Авсоний вонзил кинжал ему в грудь, затем быстро вытащил его обратно. Откинув от себя мёртвое тело, он подошёл к самому краю ямы и грозно произнёс:

-Оставайся там или умрёшь!

Рядом с Авсонием возникла фигура Петра. Он с откровенной враждебностью смотрел на человека в яме. Тот замер точно посередине, между девушкой и парнем. При этом он склонил голову на грудь и вытянул перед собой руки, словно подчёркивая, что сдаётся, но лицо своё открывать не хочет. Глядя с откровенной

злостью на неподвижную фигуру в яме, Авсоний снова заговорил. И в его словах звучала прежняя угроза.

-Ты не христианин и тем не менее выдаёшь себя за них. Почему?

-Так нас никто не беспокоит! – послышался снизу голос. И прозвучал он совершенно спокойно, что несколько озадачило Авсония. По всей видимости, человек внизу не опасался их.

-Что вы сделали с этими людьми? Почему они не выходят с этой ямы? – задал очередной вопрос Авсоний.

-Мы пустили им кровь!

Вот оно что, – понял Авсоний. Он присмотрелся но так и не смог увидеть кровь

Вслед за этим словами раздался голос Петра. Он указывал рукой вниз.

-Они замолчали.

-У них не осталось сил. Они скоро умрут! – раздалось в ответ на эти слова.

-Ты лжёшь, – гневно произнёс Авсоний. – Я не вижу кровь!

-Мы пускаем кровь из шеи со стороны спины. Она уходит через землю. Даже следов не остаётся.

- Зачем вы это делаете?

- Чтобы они не кричали когда мы принесём их в дар Гекате!

-И где ваш жертвенный алтарь? – продолжал допытываться Авсоний.

-Здесь недалеко. В одной из пещер.

-Сколько там людей?

-Ещё двое!

-Покажешь нам место! Сейчас мы поможем тебе выбраться.

Авсоний было собирался приступить к действиям, но его схватил за руку Пётр. Он выглядел встревоженным.

-Бежим отсюда, – прошептал он на ухо Авсонию, – этот человек слишком спокоен. Но самое странное, что он...разговаривает. Они ни с кем не говорят. Только убивают.

-Ты думаешь он завлекает нас в ловушку? Сюда могут прийти и другие? – понял Авсоний.

Пётр не ответил. Только насторожился. Затем указал рукой направление и быстро побежал. Авсоний рванулся за ним следом.

Спустя буквально мгновение, он явственно расслышал поток приглушённых проклятий, а вслед за ними и топот ног. Он бежал так быстро, как наверное ещё никогда не бежал. И бежал от опасности, которую не видел а только чувствовал. Ветки в кровь исхлестали лица обоих к тому времени, когда они выбрались из гущи деревьев и побежали вдоль берега к лодке. На мгновение Авсоний обернулся и ужаснулся. Из – за деревьев, один за другим, выскакивали люди с перекошенными от злобы лицами. Увидев опасность, Павел оттолкнул лодку от берега и закричал им, чтобы они бежали быстрее. Пётр, а вслед за ним и Авсоний, с ходу ворвались в воду. Усиленно помогая себе обоими руками, они быстро приближались к лодке. Едва они ухватились за борт, как Павел мощными гребками стал быстро увеличивать расстояние между ними и преследователями. Пётр закинул своё тело в лодку и уже потом помог забраться Авсонию. Сидя в лодке, весь мокрый, он с

откровенным ужасом смотрел на два десятка вооружённых людей, что столпились на берегу и провожали их взглядами полными ненависти.

Глава 15

Криспа среди ночи разбудил странный звук. Едва открыв глаза, он схватился за меч который всегда лежал возле него. Полуобнажённый, он вскочил с постели и направил острие меча в сторону человека, который стоял в дальнем углу шатра. У незнакомца было обмотано лицо, отчего совершенно нельзя было его разглядеть. Но в руках не имелось оружия. Меч лежал в ножнах пристёгнутых к поясу. Наблюдая за ним настороженным взглядом, Крисп резко спросил:

-Как ты оказался здесь? Как ты смог пройти охрану?

- Не только я, - раздался в ответ глухой голос. Рука незнакомца опустилась вниз. Крисп только сейчас заметил ещё одного человека. Он лежал на ковре. В его шее торчала рукоятка кинжала. Но судя по вздымавшейся груди, он всё ещё был жив.

-Ты его убил? - Крисп вперил жёсткий взгляд в странного незнакомца. - Зачем? Тебя не пугает, что я могу приказать казнить тебя?

-С твоего позволения! - раздался в ответ спокойный голос. Вслед за этими словами и под неусыпным взглядом Криспа, он с показной нарочитостью подошёл к столику, на котором стоял медная амфора и наполненный вином кубок. Незнакомец взял кубок с вином и пошёл обратно. Достигнув того, что лежал на полу с кинжалом в шее, он наклонился и стал вливать ему в рот вино. Крисп никак не мог принять решение по поводу того как следует поступить. Призвать охрану или позволить незнакомцу и дальше вести себя так, как ему заблагорассудится. Он не мог не понимать простой истины...если бы тот желал его смерти, скорее всего Крисп бы уже лежал мёртвым. Вскоре ему уже и не пришлось думать. Всё стало ясно, когда в уголках рта раненного показалась пена. Предъявив наглядное доказательство своей преданности, незнакомец исчез в задней части шатра, прихватив кубок и амфору с собой. Крисп даже не успел его остановить. Он терялся в догадках. Кто этот незнакомец? Было ясно, что его пытались отравить. Он спас ему жизнь и ушёл ничего не требуя взамен. Всё это выглядело настолько странно, что Крисп очень долго стоял и думал, пытаясь понять что же происходило в то время когда он спал. Временами, он бросал взгляд на того, кто, по всей видимости, и пытался его убить. Тот уже не двигался. Весь рот был в пене. Пена была и на подбородке. Потом, он не одеваясь вышел из шатра. По всему лагерю разнёсся его грозный голос:

-Где мой начальник охраны?

Не успел он вернуться в шатёр, как туда буквально ворвался тот, кого он временно оставил вместо Артемия.

Крисп указал мечом на мёртвого человека и резко бросил:

-Двадцать пять ударов каждому, кто нёс дежурство. После того как

они будут наказаны, отправишься обратно. Я найду более достойного начальника охраны, который не буде спать в то время когда меня собираются убить.

-Цезарь! – начальник охраны вытянулся в струнку. Затем повернулся и вышел. У входа он едва не столкнулся с Квирином. Тот вбежал к Криспу обнажённый по пояс с мечом в руках. Заметив что он невредим, он вложил меч в ножны и устремил на него вопросительный взгляд. В ответ, Крисп пожал плечами, словно говоря, что понимает не больше него самого. Вокруг шатра Криспа началось движение. Стали раздаваться резкие окрики. Несколько легионеров вошли внутрь и вытащили мёртвое тело. Сон полностью покинул Криспа. Он положил меч на стол, где ранее лежала амфора, и молча стал одеваться. Квирином оставался рядом с ним до той поры, пока Крисп не повелел ему отправляться спать.

-И найди мне к утру надёжного начальника охраны, – крикнул ему вслед Крисп.

Его не оставляла мысль о том, что у убийцы имелись сообщники в его лагере. Но кто эти люди? И почему они хотят его смерти? Эти вопросы не давали ему покоя до самого утра. Все его размышления ни привели к очевидному результату. Но сообщники были и их следовало найти до того, как они ещё раз попытаются его убить. Только как это сделать? Надо было поговорить с Квирином. Только ему Крисп доверял безраздельно. Но для начала следовало освежиться. Обычно по утрам для него грели воду. Но на этот раз Крисп изменил своим правилам. Он искупался в море несмотря на то, что вода была достаточно прохладной. Чувствуя прилив сил он вернулся в шатёр, и стал готовиться к предстоящему маршу. Наутро, его армия должна начать движение в сторону Хрисополя, где его уже ждёт отец со своими легионами. Но в этот день всё происходило не так как обычно. Не успел Крисп приступить к делам, как ему сообщили о странном посланнике, который желает его видеть. Посланник сказал, что назовёт своё имя только самому Криспу. Несмотря на небезопасное стечение обстоятельств этой ночью, Крисп всё же приказал его привести. Его взгляд предстал худощавый мужчина лет пятидесяти со смуглым лицом и густой бородой. Он низко поклонился Криспу, но заговорил лишь тогда, когда они остались наедине.

-Моё имя Парвиз, – сказал он, – я посланник царя царей. Мой повелитель Шапур шлёт тебе привет и называет своим братом. Крисп расхохотался, услышав эти слова.

- Верно, из братских чувств Персидский царь нападает на наши провинции. Совсем недавно император упоминал об этих набегах с крайним недовольством.

-Мы знаем что думает твой великий отец, император Рима, – последовал ответ посланника, – и мы знаем, что лишь война с Лицинием остановила поход ваших легионов в Персию. Но позволь сказать. Твой отец не понимает значение дружбы с Персией. А ведь вместе мы могли бы покорить весь мир. Царь царей надеется, что ты будешь мудрее своего отца. – выговаривая последние слова, посланник снова поклонился. Крисп же незаметно усмехнулся. Он догадался о причине появления этого человека.

-Ты предлагаешь мне пойти против моего отца? - в упор спросил у него Крисп.

-Я предлагаю тебе от имени царя царей, трон Рима. Если ты согласишься, мой повелитель даст тебе караван с золотом и сто тысяч достойных воинов.

-Трон Рима? - Крисп устремил жёсткий взгляд на перса. - Что ж, это совсем неплохо. Вот мой ответ. Передай своему царю, что в тот день когда я стану императором, моя армия двинется в Персию. И тогда он лично мне ответит за это оскорбление. Прочь отсюда, - закричал Крисп.

Услышав крик, в шатёр ворвались несколько стражей. Крисп знаком показал, чтобы они вывели посланника. Тот хотя и испугался, но с достоинством поклонился и только потом ушёл.

-Шапур, - в ярости пробормотал Крисп, - надеюсь придёт день когда мы с тобой встретимся. Приведите ко мне Уросия, - закричал Крисп.

Уросий явился почти сразу же. Как будто ждал что его позовут.

-ты отлично справляешься с обязанностями лекаря, - похвалив его Крисп заговорил о том, для чего его и позвал, - Демиус не может писать. Он мне говорил, что ты хорошо владеешь письменами. Это правда?

Уросий кивнул.

-Тогда иди к Демиусу и возьми у него всё необходимое. Потом возвращайся сюда. Я продиктую письмо.

Пока Уросий отсутствовал, Крисп собирался с мыслями. Ему следовало известить отца о посещение персидского посла. И сделать это как можно скорей. если он узнает это от других, у него могут появиться сомнения в отношении его преданности. А Крисп этого не только не желал, но и всячески старался не допустить. Отец был всегда к нему благосклонен, но при этом не раз подчёркивал, что не простит измены. Именно эти мыслями руководствовался Крисп диктуя текст письма Уросию:

-«Величайшему из императоров, славному Флавию Константину от его преданного слуги, Флавия Криспа», - Крисп чётко выговаривал слова следя за тем, насколько ровно ложатся буквы на пергамент являвший собой кусок высушенной овечьей шкуры. Оставшись довольным почерком Уросия, он продолжил диктовать: - В один день со мной случились две неприятности. Вначале меня пытались убить, - Крисп не заметил как вздрогнул при этом Уросий и продолжал диктовать, - затем ко мне пришёл посол Персидского царя и предложил выступить против светлейшего императора. Персы принимали меня за изменника, потому я выгнал посла и пообещал, что его царь лично ответит мне за оскорбление. О чём ставлю в известность светлейшего императора. Я выступаю на следующий день от этого послания. Прибуду на третий день, в сроки какие и были мне установлены.

Крисп бросил на Уросия короткий взгляд и добавил:

-На этом всё. Я не люблю длинных писем. Запечатай и отвези его императору сам. Ты достоин этой чести. И ты мне нравишься. Я попрошу императора оставить тебя в моей армии, если ты этого хочешь. Подумай над моими словами, - Крисп отцепил о пояса

личную печать и вручил её Уросию. В этот миг появился Квирин. Он сообщил, что нашёл нового начальника охраны и хочет, чтобы Крисп поговорил с ним.

–Оставь печать на столе, – повелел Крисп Уросию покидая шатёр. Едва он вышел, как Уросий достал ещё один пергамент спрятанный на груди и стал быстро что-то писать. При этом он постоянно и с беспокойством оглядывался на вход. Закончив писать, он запечатал оба пергамента личной печатью Криспа, и прихватив их собой, покинул шатёр.

Глава 16

Спустя два дня, ближе к полудню, Крисп верхом на боевом коне, с холма наблюдал за продвижением своей армии. С его губ не сходила горделивая улыбка. Картину, которую он наблюдал, могла действительно вызвать чувство восхищение у кого угодно. Легионы, разбившись на когорты, шли в боевых порядках. Каждая когорта являла собой прямоугольник, из восьми рядов в ширину и более чем сорока в длину. Впереди каждого легиона шла первая когорта возглавляемая центурионом и знаменосцем. Далее следовали остальные девять. Ровный шаг и прижатые к телу щиты придавали движению некую торжественность. Впечатление несколько портил лёгкий ветер и тучи нависшие над землёй. Поглядывая на них, Крисп не без основания подумывал об укрытии для армии. В противном случае, они рисковали прибыть к месту сражению вымокшими, что подразумевало некий жалкий вид. А он этого допустить не мог. Крисп раздумывал до той поры, пока не показались повозки гружённые провиантом и одеждой. Они всегда следовали в хвосте армии. Тогда он жестом подозвал к себе Квирина. Тот стоял с двумя другими командующими легионов недалеко от места, которое выбрал для себя Крисп. Когда Квирин подошёл, Крисп указал рукой на далёкие постройки за лугом и спросил: –Видишь эту деревню?

Квирин ответил утвердительно.

–Я подумываю о том, чтобы остановиться там на некоторое время. Мы не должны позволить дождю подпортить наш приход.

–Получится ли? –с сомнением протянул в ответ Квирин. – Последние четыре деревни, в которых мы хотели остановиться были полны мертвецов. Везде свирепствует чума. Желая избежать дождя мы можем поставить себя в очень тяжёлое положение.

–Оставайся здесь, а я проверю насколько верны твои слова!

Квирин даже ответить ничего не успел. Крисп прищипорил коня и полетел в сторону луга. Очень скоро он обошёл всю колонну и въехал на поле которое так и осталось не убраным. Крисп отметил это обстоятельство, ибо оно со всей очевидностью подтверждало слова Квирина. Однако он не остановился. Близость страшной болезни ничуть не пугала его. Во всяком случае, не больше чем дождь, которого он старался избежать. Однако всякие мысли об укрытии испарились как только он въехал в безжизненную деревню.

Вокруг никого не было видно. Даже собак. Потому он спешился, привязал коня к первой попавшейся изгороди и направился в ближайший дом. Ещё у входа он почувствовал тяжёлый запах. А внутри его ждало тяжёлое зрелище. Несколько мёртвых тел в ужасающем состоянии. Он тотчас же покинул этот дом. Но на том не остановился. Крисп осмотрел больше десятка домов, и везде его ждало одинаковое зрелище. Везде и повсюду только мёртвые тела. Воистину эта болезнь могла ужас даже самому смелому человеку. Для этого достаточно было посмотреть на конечный результат её разрушительного действия.

Закончив короткий осмотр, Крисп направился к своему коню. Когда он уже садился в седло, появились несколько всадников. Это была его новая охрана. Начальник охраны, молодой Петроний Септ, с особым вниманием выслушал приказ Криспа. Он не хуже Цезаря понимал, что деревню следует сжечь полностью. Однако, приказ так и остался невыполненным. Крисп внезапно передумал. По непонятным для охраны причинам, он решил не трогать деревню. Весь обратный путь до колонны охрана следовала за ним по пятам, что несколько раздражало Криспа. Он привык скакать в одиночестве и пользоваться охраной только когда они останавливались на ночёвку. Однако он никак не выказал своих чувств, а только вознёс молитву Богам, прося их не посылать на землю дождь до его прибытия к стенам Хрисополя. И его молитва была ими услышана. Хотя грозовые тучи висели на всём пути следования армии, они так и не разразились дождём. Прошло ещё несколько часов, когда показался огромный лагерь, а за ним и неприступные стены Хрисополя. Крисп двигался во главе армии и первым наблюдал это грандиозное зрелище. Сразу бросались в глаза десятки громадных катапульти. Они были расположены вдоль крепостной стены Хрисополя и били по городу с завидной регулярностью. Чуть позже показалась и вся низина заполненная огромной армией. Тысячи лошадей, повозок и палаток. Десятки тысяч легионеров. Часть из них при поддержке лучников и приставив к стенам длинные лестницы, пыталась взять штурмом осаждённых. Но те с удивительной лёгкостью опрокидывали своих противников на землю. Сражение шло вяло и Крисп наметанным глазом отмечал все его подробности. Главный вывод который он сделал сразу – это не желание отца штурмовать город большими силами. Похоже он только прощупывал возможности осаждённых и это было очень мудро с его стороны. Шатёр императора стояла на возвышенности позади лагеря. Рядом с шатром гордо реяло императорское знамя. Именно туда и направил коня Крисп. Тем временем, в лагере заметили их приход. Шум сражения потонул в приветственных криках. А вслед за ними стали раздаваться глухие удары которые вскоре охватили весь лагерь. Легионеры вставали один за другим и били щитом по мечу, приветствуя Криспа. Шум был настолько сильный, что сам император решил выяснить природу этих звуков. Он вышел из палатки в сопровождение нескольких военных начальников. Окружение императора не могло не заметить мрачный взгляд устремлённый в сторону приближающегося Криспа. Для многих в это мгновение стало ясно, что он зол. И тому была причина. В его присутствии, армия

показывала любовь к Криспу. По этой причине никто не удивился, когда в ответ тёплое приветствие Криспа, император хмуро ответил:

-Ты явился сюда с торжественностью как победитель. Что ж, пусть будет так. У тебя ровно один месяц для того чтобы покорить Хрисополь. Я дам тебе две катапульты. Вместе с твоими легионами этого будет достаточно.

Услышав эти слова, Крисп растерялся.

- С тремя легионами? Но это же невозможно, - вскричал он, - позволь мне командовать твоей армией и тогда я до весны овладею городом

-У тебя их могло быть шесть. Но три ты отправил на отдых не испросив моего позволения, - последовал жёсткий ответ, - ты сделал много из того чего не следовало делать. Захватишь город, я всё забуду. Нет - будешь наказан со всей строгостью. Я отдам приказ чтобы моя армия прекратила штурм и освободила место для твоих легионов.

Император повернулся к нему спиной давая понять, что разговор на том завершён. Крисп понимал, что отец его прилюдно унижил. Да не только, он поставил его на край пропасти. Но ему ничего не оставалось сделать, как повернуться и уйти. Почти сразу же по всему лагерю стали распространяться слухи об этом разговоре. Когда Крисп вернулся назад и передал разговор Квирину, тот мрачно проговорил:

-Это смертный приговор для всех нас!

Уже поздней ночью об этом разговоре стало известно и Лицинию. Он обрадовался так, как никогда прежде не радовался. Он не хуже других понимал что условие императора не более чем надуманная причина, ибо такое никому не под силу выполнить. Его главный враг умрёт. Оставалось прождать только один месяц.

Глава 17

На следующие семь дней воцарилась полная тишина между враждующими сторонами. В городе с настороженностью следили за всем, что происходило в лагере императора. А те в свою очередь наблюдали за лагерем Криспа который расположился справа от них. Но там ничего не происходило. И оттого напряжение всё усиливалось. Все чувствовали противостояние между отцом и сыном. Все знали, чем закончится это противостояние, но всё же наделись на лучший исход для Криспа. Сам же Крисп проводил дни и ночи напролёт в своей палатке. Он только и делал, что ломал голову над решением этой, вне всякого сомнения, невыполнимой задачи. И каждый раз приходил к выводу, что у неё нет, и не может быть решения. Надежды таяли с каждым днём. Иногда они часами беседовали с Квирином. Тот сообщал ему всё, что происходило в лагере. Легионы были подавлены. Многие из них думали подобно Квирину, что их обрекли на смерть.

-Надо штурмовать город, - убеждал Криспа, Квирином. - С каждым днём легионеры всё больше падают духом. Скоро не останется никого кто бы верил в благополучный исход этой войны.

-Я не брошу свои легионы на верную смерть, - возражал на это Крисп, - уж если не найдётся выход, лучше умереть мне одному. -Ты нас всё одно не спасёшь. Во всяком случае двенадцатый легион. Мы встанем на твою защиту, вздумай он тебя казнить, - говорил в ответ Квирин.

И тем погубите себя!

-А разве у нас остался выбор?

Обычно все разговоры заканчивались именно так. Квирин уходил, а Крисп снова и снова погружался в тяжёлые раздумья. На исходе седьмого дня произошло событие которое немного взбодрило его. Ближе к ночи ему сообщили, что к нему просится человек по имени Квинт Скапула. «Названный брат Елены», - вспомнил Крисп и приказал пропустить его. Когда Квинт появился в палатке, Крисп тепло приветствовал его и пригласил за свой стол где лежала скудная еда и амфора наполненная вином. Он сам налил вино в свой кубок и протянул его Квинту. Выпив вино, Квинт рассказал о цели своего прихода.

-Позволь мне биться рядом с тобой, - просто сказал он чем совершенно озадачил Криспа.

-Ты правда глуп или не понимаешь о чём просишь? - поинтересовался у него Крисп.

- Я пришёл служить тебе и если понадобится принять смерть за тебя. Не отказывай, Цезарь!

-Отказывать? Разве ты хочешь получить? - пробормотал Крисп, протягивая свою руку. - Если желаешь умереть, так тому и быть. Надеюсь, ты не пожалеешь. Будешь при мне, пока не освободится достойное место. Как мне думается, это произойдёт очень скоро. Поговорив ещё немного, они расстались довольные друг другом. Особенно радовался Крисп. Этот случай показал, что в него верят и потому, сдаваться нельзя. Ни в коем, нельзя. А каков Квинт? Вот уж не подозревал в нём такого храбреца, - думал с теплотой Крисп, - пришёл поддержать меня в безнадёжной ситуации. Надеюсь, у меня будет возможность поблагодарить за преданность. Тяжёлые мысли на какое-то время ушли. Крисп чувствовал напряжение, потому и решил лечь пораньше. Он уснул с мыслью о том, что утром следует отправиться к отцу и поговорить. Иного выхода не оставалось. Без его помощи, любые действия бы закончили не начавшись. Но выспаться ему так и не удалось. Среди ночи его разбудили, что его хочет видеть важный гость. Крисп терялся в догадках, не понимая кто бы это мог быть. Что не помешало ему одеться и приготовиться к встрече. Он спрятал кинжал под подрукавником, а меч положил перед собой на стол и в таком положении принял гостя. А вернее гостью. Увидев женщину с закрытым лицом, он удивлённо застыл. Но это удивление ни шло ни в какое сравнение с тем, что ему довелось испытать когда женщина открыла своё лицо.

-Фауста! - в изумление вскричал Крисп увидев лицо императрицы. - Ты ли это? И почему ты здесь, в лагере? Ты ведь должна быть в Византии? Император знает о твоём приезде?

-Нет, и говори тише, Крисп, - Фауста приложила палец к губам подчёркивая свои слова, а затем устремив на него глубоко нежный

взгляд спросила: – Разве могла я оставаться в Византии, зная какая страшная опасность угрожает моему любимому Криспу?

– О чём ты, Фауста? – Крисп нахмурился.

– О том, что известно каждому в империи. Император страдает от проказы. Он завидует твоей красоте и славе. Он убьёт тебя и ты это понимаешь. Я же, – Фауста приблизилась к Криспу и едва слышно прошептала на ухо, – могу спасти тебя.

– Какой ценой? – отстраняясь от неё спросил Крисп.

– Цена зависит от товара, – Фауста устремила на него загадочный взгляд, – меня бы вполне устроил новый. Старый пришёл в негодность и лишь издаёт вонь.

– Я всё понял, – резко произнёс Крисп устремляя на Фаусту неприязненный взгляд, – но твоим мечтам не суждено сбыться. Я ничего не расскажу императору, но помни...причинив ему вред ты станешь моим злейшим врагом. Я не задумываюсь убью тебя. А сейчас уходи и никогда более не вставай у меня на пути.

– Ты глуп, Крисп, – вскричала в гневе Фауста, – я предлагаю тебе не только жизнь, но и трон Рима.

– Уж лучше слыть глупцом нежели быть похожим на тебя. А трон Рима мне не нужен!

– Ты умрёшь! – от бессильной ярости Фауста сжала кулаки и бросила на него испепеляющий взгляд. Ты умрёшь, Крисп. Твоё тело будет гнить и разлагаться если только его раньше сожрут птицы или дикие звери.

Фауста закрыла лицо и повернувшись быстро вышла из палатки. Крисп после её ухода только и мог, что качать головой. Эта женщина, вне всякого сомнения, опасна. Как для него, так и для отца. Но что он ещё мог сделать? Несмотря на отчаянное положение, он не станет прикрываться Фаустой, чтобы спасти свою жизнь. Никогда. Крисп прямо в одежде лёг в постель повторяя последние слова Фаусты.

– Твоё тело будет гнить и разлагаться, – пробормотал Крисп закрывая глаза, – а ведь эта женщина вполне может оказаться и права...прошло несколько мгновений. Крисп уже засыпал, но потом...неожиданно вскочил с постели и во весь голос закричал:

– Великие Боги, а ведь она права. Фауста права...

На крик тут же вбежали обеспокоенные стражи.

– Приведите Квирина и...найдите мне Квинта Скапулу. Он мне тоже нужен.

Пока его приказ выполнялся, Крисп нервно ходил взад вперёд и постоянно повторял одни и те же слова:

– Да простят мне великие Боги! Да простят мне великие Боги!

Вскоре появились оба. Квирина выглядел донельзя заинтригованным.

И неспроста. Приглашение ночью, когда днём не о чем было говорить, не могло не вызвать у него любопытства. Увидев лукавый взгляд Криспа, он понял, что у него созрел план. И не ошибся.

– Через три дня пойдём брать Хрисополь! – с места и не без удовольствия объявил Крисп. – Утром соберём совет, где каждый получит приказ. Вам же надлежит подготовить и осуществить самую сложную часть предстоящего сражения. Начнём с тебя Квирина, – Крисп устремил на него донельзя довольный взгляд.

-Позволь узнать, только мой легион пойдёт штурмовать город? - осведомился у него Квириин.

-Хватит и половины твоего легиона!

Квириин только и мог, что растерянно уставиться на Криспа. Тот расхохотался и похлопал его по плечу.

-Лезть на стены не придётся. Всё, что нужно - это подтащить камни и разлить масло. Вначале камни, а потом масло, - уточнил Крисп и добавил, - у них всё ещё свежо в памяти последнее сражение. Так что всё внимание они уделяют маслу а камни попросту не заметят.

-Возможно, ты и понимаешь о чём идёт речь, - заметил внимательно слушающий Квириин, - но о нас этого сказать нельзя.

Квинт улыбнулся услышав эти слова и коротко кивнул соглашаясь со словами Квирина.

-На самом деле всё просто, - в глазах Криспа засверкали хитрые искорки, - из города ведут два выхода. Справа от нашего лагеря где тянется возвышенность в виде изгиба. И слева где нет ничего перед воротами. Нам нужно натаскать камни на эту самую возвышенность, которая справа от нас. В ночь перед сражением, мы легко спрячем среди них наши основные силы и что самое важное - лучников. Камни ко всему прочему ещё и станут отличным оружием. А слева разольём масло. Пусть думают, что мы хотим поджечь их. Если они будут так думать, наверняка выйдут там, где нам удобнее будет их уничтожить.

-Смысл всех этих действий? Мы что, собираемся их закидать камнями? - не без иронии поинтересовался Квириин.

-Нет, мы обрушим камни на их головы и нападём как только они выйдут из города!

-Выйдут из города? - Квириин расхохотался и уже с откровенной иронией поинтересовался. - С чего это ты решил, будто они откроют нам ворота?

Крисп оглядел молчаливого Квинта и ироничного Квирина, и только потом с непонятной для них улыбкой, ответил:

-У меня есть предчувствие!

На рассвете одиннадцатого дня из отведённого срока для захвата города, императора разбудил своеобразный свист который могли издавать только катапульты. Этот звук известил его о начале штурма. Движимый любопытством, император вышел посмотреть на действия Криспа. Первый же взгляд заставил его испытать потрясение, подобно которому он прежде не испытывал. Катапульты били по городу как кон и предполагал. Но не они стали причиной его потрясения, а...собственная армия. Она оставляла лагерь без его приказа. И не только оставляла, но и...бежала. Император только мог растерянно наблюдать за молчаливыми лицами которые мелькали мимо него. Зачастую у легионеров даже меча в руках не было. Они всё бросили и убегали. Император устремил взгляд на стены города. Ничего. Никакой видимой опасности. Происходящее совершенно сбивало его толку. Но то что последовало за бегством его армии привело в состояние полного оцепенения.

Неожиданно...ворота города открылись и оттуда с дикими воплями

стал выливаться людской поток. Многие из них кричали:

–Сдаёмся, сдаёмся! – и бросали оружие.

Император видел, как легионы Криспа прорвались сквозь обезумевшую толпу в город. Всё вокруг превратилось в сплошной кошмар, где все чего-то боялись и никто ничего не понимал в происходящем. Император смотрел на происходящее до той поры, пока у него не иссякло терпение. И тогда он вне себя от ярости закричал:

–Да что происходит? Почему открыли ворота Хрисополя? И от кого бежит моя армия?

И тогда рядом с ним раздался осторожный голос одного из военно начальников.

–Все бегут от Криспа!

–Все бегут от Криспа? – император устремил на говорившего странный взгляд. – Мне непонятно почему бежит армия Лициния и уж совершенной загадкой выглядит бегство собственной армии.

–И те и другие, бегут по одной и той же причине, – раздалось в ответ, – Крисп приказал собрать трупы людей умерших от чумы. Затем катапультами начал забрасывать их в город.

Император очень долго не мог произнести ни единого слова, а когда голос появился, он коротко приказал:

–Быстро верните армию и выдвигайтесь на помощь легионам Криспа. Бросайте в бой все имеющиеся силы. Пока Лициний будет приходить в себя, мы уничтожим его армию.

Император ушёл. Уже к вечеру пришло известие, что город взят.

Лицинию снова удалось сбежать. Но на этот раз у него уже не осталось сил способных остановить победное шествие Константина.

Глава 18

При всей необычности придуманного плана, Крисп не мог и представить, что в городе их встретят такие крупные силы. Если бы не своевременная помощь легионов отца, он мог погибнуть в Хрисополе. Это сражение он запомнит надолго, как и все те, кто сражался рядом с ним. И оно несомненно принесло ему ещё больше славы, хотя армия и неоднозначно отнеслась к победе. Некоторые считали, что Крисп подверг риску уничтожению их всех. Но более всего Криспа удивил..император. Он вызвал его сразу после сражения и едва ли не прямо обвинил в измене. Затем отправил погоню вслед за Лицинием и уехал в Византий. Криспа всё больше беспокоило настроение отца. У него возникло чувство, будто он пытается найти причину, чтобы его наказать. Но более всего его беспокоила судьба Елены и сына. Поэтому он втайне подумывал о том, чтобы вернуться в Рим после того как придёт известие о поимке Лициния. Он и не подозревал, что в это самое время Елена находится в заточение. А между тем, всё так и обстояло в действительности.

Елену с Виталией поместили в небольшой дом на окраине Рима. Дом был со всех сторон окружён высоким частоколом. Не менее двадцати стражей, днём и ночью охраняли узниц. Им были предоставлена небольшая но уютная комната. Днём, они не могли покинуть этой

комнаты, а по ночам им позволялось выходить на балкон. Охраняли их очень бдительно, однако отношение к Елене оставалось по-прежнему уважительным. Она сама пребывала в крайне угнетённом состоянии. Почти целый день она проводила лёжа на постели, и не произнося ни слова. А по ночам выходила на балкон и устремляла взгляд на огни города. Где – то за ними находился её муж. Изредка, Елена пыталась поговорить со своим стражами. Она ничего не знала о судьбе своего сына и предполагала самое худшее. Виталия как могла пыталась приободрить её, вселить надежду, но Елена была неутешна. Вот так и проходили дни в заточение. Полное уныние и безнадёжность. Елена ждала вестей, но страшилась их услышать. Но ей всё же пришлось посмотреть на действительность, когда она явилась в лице Публия Скапулы. Обе женщины ещё издали узнали о его приближение:

– Где Елена? Куда её спрятал этот кровавый тиран? – кричал Скапула.

Когда дверь отворилась и на пороге появился сенатор, Елена и шагу не смогла сделать ему навстречу. Она стояла ни жива ни мертва.

– Что ты наделал? – с глубоким ужасом обратилась она к Скапуле. – Если стража донесёт императору твои слова...

Скапула раздражённо махнул рукой и быстро заговорил в свойственной ему одному насмешливой привычке.

– Они не сообщат ничего нового, дитя моё. Я уже высказал своё мнение перед сенатом и народом Рима. Моя речь заслужила овации всего зала. Она действительно была хороша, но как мне думается, аплодировали вовсе не моей речи, а тому, что никто другой не осмелился открыто выступить против императора. Впрочем, я не затем сюда пришёл, – Скапула улыбнулся, и широко открыв объятия, спросил, – ты не обнимешь меня? Ведь мне пришлось созвать сенат для того чтобы мне указали место твоего заточения.

Елена без слов прижалась к груди Скапулы. Тот погладил её по голове и нежно прошептал:

– Я тебя не оставлю, дитя моё!

Виталия некоторое время молча наблюдала за ними, а потом решила сказать то, что хотела сказать с того самого мгновения как узнала правду о Скапуле.

– Я хочу поблагодарить тебя...за твою доброту, – негромко произнесла она бросая на Скапулу признательный взгляд. Тот посмотрел на Виталию так, словно впервые увидел. Затем видимо понимая что именно она имеет в виду, обвёл руками комнату и ответил:

– Ты достаточно глупа для того чтобы благодарить меня после того, как по моей вине оказалась в этом месте. Но я принимаю твою благодарность. Мне льстит внимание сразу двух красивых женщин. Я бы даже остался здесь...а теперь неприятные вести, – Скапула внезапно стал серьёзным, что вызвало непроизвольную бледность на лице Елены.

– Крепись дитя моё, – Скапула бросил на неё ободряющий взгляд, – ты потеряла отца. Я соболезную тебе. Он был достойным человеком и старался помочь тебе до последнего мгновения своей жизни.

Елена прошла к стене и без сил опустилась на постель. Затем закрыла руками и заплакала.

-К нему пришёл Артемий, - продолжал рассказывать Скапула, - он был ранен. Артемий и рассказал о том что случилось. Твой отец пришёл ко мне. Я сразу отправился в сенат надеясь убедить его встать на сторону Криспа, а он поехал за твоим сыном.

-Сыном? - Елена устремила заплаканное лицо в сторону Скапулы. Понимая значение этого взгляда он развёл руками в обе стороны.

-Я не знаю, что там случилось. Никто не знает. Твоего сына не нашли. Скорее всего его приказал забрать император. Все остальные, включая твоего отца, были мертвы.

-К...рисп? - прерывающимся голосом выдавила из себя Елена.

-По всей видимости, ничего не знает. Он одержал ещё одну славную победу. Армия его любит. Сенат готов поддержать. Я немедленно отправляюсь к нему в лагерь и постараюсь уговорить выступить против императора.

Ничего другого не остаётся. Он открыто начал всех убивать. Его нужно остановить. Будь сильна Елена и надейся. Тебя освободят. И тогда ты займёшь то место которого заслуживаешь.

Скапула подошёл и поцеловал его в голову. Затем отошёл и устремив непонятный взгляд на Виталию, спросил:

-Ты ничего не хочешь передать Квинту? Я и с ним хочу встретиться.

-Квинту? - Виталия покраснела, сделала произвольный шаг вперёд, а затем остановилась и тихо промолвила. - Скажи...я жалею что не смогла с ним поговорить...ещё раз

Скапула только и кивнул в ответ на эти слова. Затем постоял ещё немного, а потом, размахивая руками, быстро покинул комнату.

Сразу после его ухода, Виталия подошла к Елене и обняла её за плечи. Та прижалась к ней и непередаваем отчаянием зашептала:

-Виталия, он убил моего отца...он убил моего сына...он убьёт и меня с Криспом...

События тем временем, стали стремительно развиваться. И касались они, прежде всего Криспа. В то время, когда он находился в Хрисополе и ждал вестей о поимке Лициния, чёрные тучи уже стучались над его головой. А вслед за ними и грянул гром. На десятый день после сражения, он в сопровождение Квирина и Квинта отправился проверить состояние города. Как он и ожидал, улицы были полностью убраны. Это и касалось огромных чанов чьё назначение осталось для него загадкой. Он не понимал зачем Лициний велел их поставить на улицах где имелось большое количество колодцев.

Они уже подошли к каменной лестнице которая вела на стену когда услышали громкий возглас:

-Именем императора!

Крисп со своим спутниками остановились предполагая что император прислал весть о поимке Лициния и прекращение поисков. Спустя несколько мгновений появились всадники. Их было около десятка. Они направлялись прямо к ним. Когда они подъехали, один из них спешился и потрясая в воздухе свитком, громко закричал:

-Именем императора...ты Флавий Крисп арестован и должен следовать за нами как узник. Ты будешь помещён в темницу где и будешь ждать свою дальнейшую участь.

Не успели эти слова отзвучать, как Квирина заслонил собой Криспа и грозно произнёс:

-Не бывать этому никогда. Император превысил свою власть.

-Подчиняйтесь или умрёте, - раздалось в ответ грозное предупреждение.

Квирина лишь усмехнулся в ответ. Набрав в грудь в воздух, он во весь голос закричал:

-Двенадцатый легион. Кто из вас позволит арестовать Цезаря?

-Предатель, - раздался яростный голос. А в следующее мгновение...меч пронзил грудь Квирина. Он упал замертво. Квинт бросился на убийцу Квирина. Между ними завязался бой. Всадники спешили собираясь атаковать Криспа, но попадали прямоком в руки подбегающих легионеров. Увидев тело своего командира, легионеры рассвирепели. Попытки Криспа остановить кровопролитие ни к чему ни привели. Посланников императора буквально растерзали. И Квинт расправился со своим противником. Глядя на груды мёртвых тел, Крисп мрачнел всё больше и больше.

-Это открытый мятеж...император не простит никого, - затихшие легионеры ловили каждое его слово. - Воздадим почести легату, а потом решим, как поступить.

Глава 19

Крисп пребывал в тяжёлых раздумьях. После того что случилось, у него оставалось два выхода: Либо сдаться, либо идти войной на человека, которого он всегда и всей душой любил. На того, кто дал ему всё в этой жизни. Если б не этот выпад Квирина, он бы без возражений последовал бы за стражей. Пусть даже и не зная в чём именно он его обвиняет. Он не допустил бы столкновения. Но сейчас, когда пролилась кровь, когда посланник императора был убит...всё сильно осложнилось. Наверное, он бы сумел защитить город, хотя у него в распоряжении остался лишь двенадцатый легион. Все остальные силы были брошены на поимку Лициния. Да и не стали бы они выступать против своего императора. На это был способен лишь двенадцатый легион, с которым они дрались плечом к плечу много лет. Но всё же, выступать против отца он не мог и не хотел.

Крисп в очередной раз тяжело вздохнул. Время шло и следовало принять решение. Со дня на день можно было ожидать подхода императорской армии. К тому времени он должен принять решение.

-Цезарь! - раздался в комнате голос Квинта. - Плохие известия с Рима.

Крисп поднялся и устремил напряжённый взгляд на Квинта. Но оно сменилось удивлением когда вслед за Квинтом появился Публий Скапула, его отец.

-Твой сын похищен, жена заключена в заточение. Её отец мёртв, - с ходу заговорил Скапула, - Я здесь чтобы предложить тебе помощь

Рима в пять легионов. Ещё мы дадим тебе корабли и золото. С твоим умом Крисп, ты легко добьёшься победы над императором. Пришло время сместить тирана.

-Междоусобная война? – с откровенной горечью спросил Крисп у Скапулы. – Во имя чего? Во имя чего я должен убить собственного отца?

-Во имя величия Рима. Во имя своей жены и своего сына. Разве тебе этого мало? – последовал жёсткий ответ Скапулы.

-Нет ничего что может оправдать убийство родного отца!

Крисп взял плащ, и более ни слова не говоря, покинул комнату. Спустя некоторое время, он уже сидел верхом и направлялся к воротам. Легионеры провожали его тяжёлыми взглядами. Заметив их, Крисп остановился. Очень скоро возле начала собираться большая толпа. Крисп возвысил голос настолько, чтобы все его услышали:

-Я отправляюсь к императору и приму ту участь которая мне уготована. Я вам клянусь, что сделаю всё для того чтобы вы все избежали наказания. Я один виноват в том, что случилось. И я один понесу наказание.

Это были прощальные слова Криспа. И все легионеры это понимали. Он пришпорил коня и выехав за ворота, помчался в сторону Византия.

На следующий день, ближе к полудню, когда император с императрицей в присутствии всего двора принимали знатных жителей Византия, которым не терпелось изъявить своё почтение, пришла весть о приезде Криспа. А вскоре и появился он сам. Когда Крисп приблизился к трону, многие заметили, что он весь дрожит. Цезарь задал императору только один вопрос:

-За что?

Крисп смотрел только на отца и потому не видел как на губах Фаусты мелькнула торжествующая улыбка.

-За что? – мрачно переспросил императора.

-В чём моя вина? – Крисп возвысил голос настолько, чтобы его слышали все, кто находился в зале. А их было немало. – В чём виноват мой сын? В чём вина моей жены?

-Это твоя семья. И они будут наказаны вместе с тобой и за твоё предательство, – жёстко ответил император и продолжал уже более мягким голосом, – я бы мог не отвечать на твои вопросы, но не желаю чтобы меня впоследствии называли «убийцей собственного сына». Ответ кроется в твоих поступках. Разве не ты назвал мой приказ «ошибкой», когда я повелел отвести флот?

-Но я желал лучшего, – вскричал бледнея Крисп, – или я не доказал свою правоту?

-Хорошо, – спокойно произнёс император, – что ты ответишь на другое обвинение. Разве ты не принимал ночью, тайком от меня персидского посла? Разве не согласился захватить трон с их помощью?

-Нет, нет и нет. Это всё ложь. Клянусь...

-Ложь? Так почему ты не известил меня обо всём?

-Я послал письмо, – вскричал снова Крисп. – Как ты мог подумать, что я предаю тебя?

-Как? – по знаку императору Криспу поднесли на подносе письмо. –

Узнаёшь свою печать?

Крисп утвердительно кивнул.

-Это то самое письмо о котором ты говорил?

Крисп ещё раз утвердительно кивнул.

-В нём нет ни единого слова о разговоре с персами, - привстав с трона гневно закричал император, - к тому же ты набрался наглости советовать мне отправляться в Рим де я смогу получить заслуженный отдых. А ты тем временем принесёшь мне голову Лициния. Ты принимаешь меня за глупца? Ты и правда думал что я отправлюсь в Рим и позволю тебе выступить против меня вместе с персами?

-Нет, - прошептал бледнея Крисп. Он взял письмо и стал читать. Всё было так как и говорил император. Слово в слово. Его предали. И он знал кто именно. Поэтому Криспа не удивило появление этого человека. Уросий встал слева от Криспа и низко поклонился императору.

-Уросий, - обратился к нему император, - ты писал это письмо? Уросий, не колеблясь ответил утвердительно.

-Ты ничего не перепутал? Всё записано со слов Криспа?

-Да, повелитель, - раздался почтительный ответ. -Цезарь прочитал послание а потом запечатал личной печатью.

-И ты слышал беседу которую он вёл с персами?

-Да, повелитель!

-И Крисп выражал в нём согласие выступить с персами против меня?

-Да, они намеревались убить моего повелителя. Поэтому я приехал и всё рассказал.

-И ты будешь вознаграждён за свою преданность.

По знаку императора и сопровождаемый взглядом Криспа полным презрения, Уросий ушёл. Следом за этим действием снова раздался грозный голос:

-Тебе и этого оказалось мало. Ты и Фаусту пытался склонить к предательству. Или не ты ей предлагал выйти за тебя замуж после того как убьёшь меня? И после этого ты ещё осмеливаешься задавать вопросы.

Крисп поднял на отца взгляд полный горечи и обиды. Он понимал, что его загнали в ловушку, но ни чем не мог опровергнуть обвинения в свой адрес. Тем временем снова раздался голос императора.

-Ты будешь жестоко наказан за своё предательство, Крисп. Но прежде чем ты узнаешь что тебе предстоит, - император снова подал знак рукой. Перед Криспом появился ещё один поднос. С отрубленной головой.

-Посмотри на Лициния, Крисп. Он вздумал тягаться со мной. А ведь он в отличия от тебя носил титул «Августа» и правителя восточной империи. Очень скоро на этом подносе будет лежать твоя голова, но прежде, тебе предстоит сделать выбор. Я дам тебе возможность спасти одного из тех кого ты любишь. Выбирай, кто останется в живых...твой сын? Или твоя жена? Если ты не сделаешь выбор до утра, они будут казнена оба. Ты же будешь казнён в любом случае. Передай своё решение. Я больше не желаю тебя видеть.

По знаку императора Криспа увели. Он находился в темнице потому

не мог слышать ещё одного приказа, который бы вверг бы его в ещё большее смятение.

После того как Криспа увели, император долго молчал. Никто, даже императрица не осмеливалась нарушить это молчание. А вслед за молчанием зал огласил яростный рёв:

–Разоружить двенадцатый легион. Погрузить на корабли и вывести в море. Там утопить всех. Всех до единого. И знамя утопите вместе с легионом. Никто и никогда более не должен видеть «Белого Единорога».

Крисп провёл самую тяжёлую ночь в своей жизни. Собственная смерть его не страшила. Угнетал, разрывал душу выбор, который ему предстоял сделать. Как он мог выбрать между женой и сыном? Этот выбор стал для него наказанием ужасным. Император сделал всё, чтобы он мучился до последнего мгновения своей жизни.

Когда за ним пришёл палач, он только и сказал:

–Передайте императору что я не могу выбрать. Пусть это решение останется на его совести!

Некоторое время спустя, в тронном зале появились два человека. Один из них нёс поднос накрытый покрывалом. Покрывало слетело как только они приблизились к трону. Показалась окровавленная голова, а вслед за ней раздался голос:

–Голова Флавия Криспа!

Император увидев голову, весь почернел, затем вскочил и закричал:

–Прочь, прочь, я не хочу его видеть. Уберите его..

Вслед за этими словами, он едва ли не бегом бросился вон из зала. Императрица последовала за ним. Её лицо выражало торжество. Она добилась своей цели. Она отомстила. Оставалось сделать последнее – рассказать всё императору. Она должна была видеть его глаза, когда он узнает истину.

Глава 20

Месяц спустя, император гулял по саду в сопровождении Авсония. Он наслаждался окружающей красотой, при этом весьма внимательно прислушиваясь к словам своего спутника. Особенно его заинтересовала история о культе язычников которые едва не убили Авсония. Так, во всяком случае, показалось самому Авсонию. Хотя он должен был признаться, что при всём своём уме, никогда не мог понять, что именно добивается император. Когда он решился задать этот вопрос, то услышал странный ответ:

–Спокойствия!

–И ты веришь, что христианство даст тебе это спокойствие? – осмелился задать новый вопрос Авсоний.

–Не важно во что верю я, – задумчиво ответил император, – значение имеет лишь вера народа. Он один всё решает. Но не все это понимают. Хороша христианская вера или плоха, уже не столь важно. Народ его выбрал. Они верят церкви. Они верят своим

Епископам. Пытаясь разрушить эту веру, мы сделаем хуже и им и себе. Потому мы не говорим о самой вере. Мы говорим о двух половинах на которое разделилось христианство. С одной стороны те кто поддерживает Ария, с другой – те кто поддерживают епископа Александрийского. Надо понять где истина.

–Если ты, светлый царь, уже решил поддержать христиан, тогда тебе лучше выбрать Александра!

–Почему ты так думаешь? – спросил император у Авсония.

–Всё просто мой царь. Арий отрицает Христа, а именно на сыне Божьем и его бытие основана вся религия. Отрицая Христа, они тем самым отрицают и саму веру. Если Арий победит, христианство обречено на гибель.

–Глубокие слова. Я о них подумаю, – после короткого молчания произнёс император, а потом добавил, – не уезжай из Византия. Очень скоро ты мне понадобишься для особенного дела.

Император ушёл оставив Авсония одного.

Миновав сад, он подошёл к маленькой калитке возле которой стоял страж с копьём. Он открыл дверь перед императором. Едва он вошёл, как перед ним возник Титаний, его личный телохранитель. Только лишь по едва уловимому жесту он понял желание императора. Спустя несколько мгновений появились сразу несколько человек вооружённых мечами и факелами. Окружив императора со всех сторон, они двинулись по длинному коридору. Достигнув конца, вся процессия свернула налево и подошла к основанию лестницы ведущей вниз. Здесь один из стражей остался стеречь вход, а остальные вместе с императором стали спускаться по лестнице. Когда она закончилась, показался ещё один коридор. Здесь повторилась предыдущая сцена. Один из стражей остался стеречь вход, а остальные пошли вперёд. Таки образом они миновали ещё несколько коридоров. Когда они подошли к железной двери, возле императора оставался лишь один Титаний. Он остался стеречь дверь а император вошёл внутрь. Пламя единственной свечи стоявшей на маленьком столике смутно освещала помещение в котором оказался император. Здесь не имелось почти ничего за исключением деревянной кровати на которой лежал изнеможённый мужчина. При виде императора он поднялся и с мукой в голосе спросил:

–Они мертвы?

Голос принадлежал...Криспу. Как ни странно, он всё ещё оставался в живых, хотя вся империя знала о его смерти. Знали все, за исключением самого Криспа. И император решил первым делом известить его об этом.

–Но почему? – прошептал совершенно сбитый толку Крисп. – Для чего всё это?

–Ты слишком глуп дитя моё, – мягко и с улыбкой произнёс император, – иначе не стал бы задавать подобные вопросы. Или ты всерьёз полагал будто я смогу казнить твою жену и сына?

–Я думал, – только и мог пролепетать Крисп, но император его перебил.

–И ошибся. Я бы не поверил истории про персов даже если б не слышал весь разговор своими ушами.

–Как? – вскричал Крисп. – Ты не мог слышать!

-Ошибаешься, - возразил ему император, - и ты бы мог легко обо всём догадаться если б удосужился немного подумать.

-Охрана...- Криспа словно озарило, - вот почему они пропустили.

-Вот теперь ты на правильном пути, - император одобрительно закивал головой, - я же приказал им оставить на время свой пост и хранить обо всём молчание. Так что, ты их наказал совершенно напрасно.

-Значит это был ты...я ничего не понимаю, - вынужден был признаться Крисп.

-Пойдём со мной и я тебе всё постараюсь объяснить!

Император вывел из темницы и взяв под руку, медленно направился по коридору. Крисп выглядел совершенно растерянным, и всё время бросал на отца вопросительные взгляды. Титаний шёл перед ними и освещал путь. Таким образом, они проделали обратный путь с той ли разницей, что они не вышли обратно в сад а свернули в ещё один коридор и вошли в небольшую но очень уютную комнату с открытыми настежь окнами через которые проникал солнечный свет. В середине комнаты стояли два кресла. Становилось понятно, что император заранее готовился к этому разговору. Заметив приглашающий жест отца, Крисп занял одно из кресел. Сам император сел напротив и сразу же заговорил. Голос его звучал как всегда негромко и сосредоточенно. Сейчас перед Криспом находился тот человек, которого он знал и которого всегда любил. И он не мог не радоваться этому чувству.

-Выслушай меня со всем вниманием Крисп, и знай, что твоей семье как и тебе всё ещё угрожает серьёзная опасность. Я знал, что тебя собираются убить. И знал, с чьей помощью это будет сделано. Уросий...это он провёл убийцу в твой шатёр. Мы сумели его выследить после того, как Фауста предложила ему свою постель в обмен на твоё падение.

-Ты знал про Фаусту? - в который раз поразился Крисп.

-Это Рим, дитя моё, - выразительно ответил император, - ты понимаешь значение этого слова? Если тебе не известны тайны врагов - ты обречён. Знаешь ли ты, что восемь из десяти Римских императоров пали от руки наёмных убийц? Мне исполнилось тридцать два года, когда умер мой отец, правитель Бретани. До той поры я чувствовал себя слабым. Ведь я был одним из многих, кто мог бы претендовать на трон Западной империи. И не единственным кто мог получить право управлять Бретанией. Но лишь став её правителем, я осознал подлинную беспомощность своего положения. Семь императоров, включая хитрого Диоклетиана. Несколько десятков наследников. Племена варваров, различные сборища всякого рода язычников. И едва не все желали моей смерти.

-И тогда ты стал со всеми следить?

-Не за всеми, а за теми кто был или мог стать моим врагом, - поправил его император и сдвинув брови продолжал с глубокой сосредоточенностью рассказывать, - лишь предусмотрительность и осторожность спасали мою жизнь на протяжении всех этих двадцати лет. Тогда, в далёкой Бретани, я и не помышлял о том, чтобы стать императором Западной и Восточной империи. Иными словами говоря, сделать то, что казалось невыполнимым и невозможным. Мне

приходилось защищать свою жизнь. Не больше. Очень скоро я увидел пропасть грозившую поглотить всю империю. Постоянные междоусобные войны, восстания народа, жажда сената получить прежнее могущество, преторианцы – которые оставались грозной силой. И тому примером служит Диоклетиан, которого возвели из рабов в императоры. Ты понимаешь Крисп? Эти люди являлись угрозой в первую очередь для своей страны, ибо руководимые тщеславием и алчностью готовы были на всё. Осознавая эту истину, я и ввёл должность гражданского префекта. Отныне, в каждом городе появилась сила, которой не могли управлять Сенат и преторианцы. Это решение сделало их достаточно слабыми для того, чтобы я мог нанести решающий удар... преторианцы были распущены. Сенат – принуждён передать часть своих полномочий префектам, что благотворно сказалось на положении во всей империи. Появилась столь недостающая прежде связка: Сенат считался с префектом, префект же вынужден был считаться с народом. Народ стал единственным судьёй для Сената, а у меня появилась возможность понять насколько правильны те или иные решения, поскольку конечное решение оставалось только за мной.

Крисп не сводил восхищённого взгляда с отца. Шаг за шагом император открывал перед ним истоки своей мудрости.

– Но решение явившее благодать для всей империи, получила очень тяжёлые последствия, – лицо императора слегка помрачнело когда он произносил эти слова, – многие подчинились, но не смирились с потерей власти. И здесь я хочу особо привлечь твоё внимание. – он устремил на Криспа пронизательный взгляд и лишь убедившись, что тот внимательно слушает, положил руки ладонями вниз на свои колени, словно опираясь на них и продолжил разговор с сыном. – В те далёкие времена, когда я был более молод, чем ты сейчас, мне вместе с Максенцием, довелось стать свидетелями одного... обряда. В то время многие увлекались разными языческими культами. Мы не стали исключением. Я предполагал, что увижу подношение римским Богам, но стал свидетелем ужасной бойни. Несколько десятков христиан были умерщвлены ужасной смертью. В то время, христиан без причины сажали в тюрьмы и убивали, так что это деяние не явилось чем – то особенным. Но меня поразила жестокость людей, которые исповедовали культ Богини Гекаты. Они убивали с откровенным удовольствием и наслаждались страданиями людей. В ту ночь я понял, насколько опасны эти люди, а с годами лишь убеждался в этой истине. После того, я видел и другие побоища христиан, видел тысячи и тысячи смертей, но ничего не могло сравниться с тем ужасом, что мне довелось испытать, находясь среди этих язычников. Именно там и началась моя вражда с Максенцием, – император невесело усмехнулся, – глупец уверовавший в собственное величие и приравнявший себя к Богам. Заметив удивлённый взгляд Криспа, император пояснил:

– С той ночи, Максенций более не принадлежал себе. Он подчинил себе этот культ язычников. Более того, он заставил их почитать его самого вместо Гекаты. Иными словами говоря, он положил на свою грудь ядовитую змею и хотел чтобы она только грела его. Дальше, хуже, – продолжал рассказывать император, – он не только

подчинил себе этот культ, но сумел превратить его в некую тайную армию, «чёрный легион», как мы его называли. Христиане же всегда называли его «Орден Антихриста». И этот «чёрный легион» становился всё могущественнее. Максенций умело использовал эту силу. Ну кто откажется видеть своего злейшего врага, корчащего в муках смерти? – император невесело усмехнулся Криспу, который затаив дыхание ловил каждое его слов. – И Максенций, становился не только могущественнее, но и богаче. Вскоре случилось нечто, что со всей ясностью обозначило для меня угрозу с его стороны. Не знаю как, но ему удалось получить титул Августа Западной империи. Сенат одобрил его просьбу. Случай показательный, ибо его отец всё ещё был жив и тоже носил титул Августа. Два императора, – снова последовал взгляд в сторону Криспа, – ты понимаешь? Он дал знать, что отныне всё будет происходить только по его желанию. Следовательно, мы все были обречены. Очень скоро я получил подтверждение своих мыслей, – продолжал рассказывать император, – отец Фаусты дважды пытался меня убить с ведома и помощи Максенция. Оба раза эти попытки становились общеизвестными. Именно я их делал таковыми и только с одной целью – чтобы громогласно простить своего тестя. Я не мог не понимать, что прощая человека пытающего убить меня, тем самым показываю собственную слабость. Но сил противостоять Максенцию не имелось. У него было золото и армия втрое превышавшую числом, мою собственную. И у него имелось тайное оружие, которое он мог пустить в ход. У меня же его не имелось. И вот тогда, я впервые подумал о христианах. Эти люди всегда восхищали меня своей стойкостью. Они олицетворяли собой...Веру в добро и справедливость. И это было то единственное, что могло обрушить Максенция. –Руководствуясь этими соображениями, я начал вести тайные переговоры с христианскими епископами. Я пообещал им прекратить преследования христиан. И не только, но и придать ей законность в провинциях где буду править я. В обмен я получал от них полную поддержку всех своих действий. Лишь годами позже я осознал какая мощь скрывалась в этом союзе, но тогда, я был готов не только встретить, но и нанести ответный удар. Император сделал небольшую передышку, а потом, продолжил свой рассказ. – Когда отец Фаусты попытался меня убить в третий раз, я казнил его. Как и ожидалось, началась война с Максенцием. Он надеялся покончить со мной сразу. С помощью «чёрного легиона». Но я предвидел этот шаг. По этой причине во время встреч с христианскими епископами особо говорил об этом кровавом культе Гекаты. Христианам он был известен. И они предприняли всё для того чтобы остановить десятки убийц посланных ко мне Максенцием. Меня всегда успевали предупредить. Но, долго так не могло продолжаться. Рано или поздно они могли добиться своей цели. И тогда я начал думать об одном, решающем сражение. Прежде я избегал прямых столкновений ибо как уже говорил, уступал Максенцию во всём. Однако, в случае успеха, я избавлялся от всех врагов и становился единым правителем всей Западной империи. Я пребывал в сомнениях, когда случилось событие которому я и по сей день не могу дать понятного объяснения.

Крисп подался вперёд. Он вбирал в себя едва ли не каждое слово, и сейчас видя загадочное выражение на лица, ожидал услышать нечто очень особенно. И он не ошибся.

-Как то раз, ночью, когда мы стояла лагерем у берега одной реки, мне приснился странный сон. Мне приснился седовласый слепой старец с посохом. Он им указывал в сторону, где находилась армия Максенция. Я проснулся, вышел и направился к берегу реки чтобы умыть лицо и стряхнуть остатки своего сна. Я бы не придал ему значения, но, - император бросил странный взгляд на глубоко заинтригованного Криспа, - когда я нагнулся и хотел зачерпнуть ладонями воду, там показалось отражение того самого старца которого я видел в своём сне. Я быстро поднялся и снова посмотрел на воду...отражение исчезло, затем снова появилось правее от прежнего места. Следом я увидел и самого старца. Он появился справа от меня. Это был точно тот самый старец которого я видел во сне. Те же плотно закрытые глаза, посох и длинные седые волосы. Я несколько раз ущипнул себя пытаюсь избавиться от наваждения, но вместо этого услышал голос: «Иди и ничего не бойся. Господь с тобой ибо ты оберегаешь чада его». - в голосе императора появилось лёгкое волнение когда он произносил эти слова. Было заметно, что и по сей день он находится под впечатлением от этой встречи. Чуть позже снова раздался уже прежний спокойный голос. - Самое загадочное состоит в том, что моя личная охрана находилась поблизости, но все в один голос утверждали что никого не видели. Именно тогда я принял решение дать сражение Максенцию. Затем, перед самой битвой мне приснился пылающий крест. Я снова услышал прежний голос и слова: «ты победишь». На следующий день я одержал самую важную победу в своей жизни. И с того дня дал десятки сражений и ни одного не проиграл. Зачем я всё тебе рассказываю? - Император устремил мягкий взгляд на Криспа. - Ты должен очень хорошо понимать, почему я стараюсь сделать христианство единственной религией в империи. Если вначале я руководствовался соображениями, то сейчас я сам стал одним из них. Скоро я приму крещение как и всякий христианин, ибо в душе давно принял Господа. Но и здесь таится опасность. Опасность представляет не сама вера, а люди которые желают использовать её в своих целях. Как только император сделал очередную паузу, Крисп решил заговорить о том, что его беспокоило.

-Прости, но я всё же не понимаю, - задумчиво протянул Крисп, - зачем понадобилось устраивать весь этот обман с моей казнью и казнью моей семьи?

-Можешь добавить сюда и казнь всего двенадцатого легиона, казнь Публия Скапулы и Квинта Скапулы, - император широко улыбнулся, - сейчас многие втихомолку называют меня «кровавым чудовищем». Ещё больше дрожат от страха при упоминании о моём имени. Разве одно это не стоило моих усилий?

-Больше ты не сможешь меня обмануть, - Квинт бросил на отца многозначительный взгляд, чем вызвал у него одобрительную улыбку.

-Ты становишься мудрее, а значит начинаешь понимать смысл моих

поступков, – лицо императора вновь приняло серьёзное выражение. – Елене и моему сыну угрожала опасность? – догадался Крисп. – Вот почему ты поместил их под стражу?

Император коротко кивнул.

– Никто не должен был догадаться о том, что мне известно. Во всяком случае, не раньше чем удалось бы найти тех кто желает уничтожить тебя. Пока Елена оставалась в доме, в который поместил ей отец по твоей просьбе, – император бросил на сына многозначительный взгляд, значение которого не осталась для Криспа загадкой. Он покраснел и пробормотал: «Прости, я...» – но император продолжил словно и не слышал этих слов.

– Она оставалась недостижимой для убийц, ибо у неё имелась достаточно сильная охрана. По этой причине я распорядился поместить её под стражу в случае если она покинет дом. Так я мог быть уверен, что ты не станешь вдовцом раньше времени.

– А я ведь ничего не понял... как мне тебя отблагодарить, – с глубоким чувством произнёс Крисп.

– Думай не о том как поблагодарить меня, а о том, как найти людей которые желают тебе смерти, – посоветовал ему император.

– Я найду их и убью, – грозно начал было Крисп, но император снова его перебил.

– Не будь в этом так уверен. Тебе противостоит очень сильный враг. И хуже всего, что он действует тайно. Плоды этих действий видишь когда ничего изменить уже нельзя. Я ведь неспроста тебе обо всём рассказал. Смерть Максенция ничего не изменила. Культ Гекаты стал ещё могущественней. К нему присоединились те, кто ненавидит меня, кого я лишил власти. А ведь таких немало. И все они понимают, что ты, – император ткнул указательным пальцем в сторону Криспа, – стал самой сильной опорой для меня. Они уже поняли, что ты не предашь меня, какие бы блага тебя бы не посулили. Поэтому с тобой постараются сделать то, что делали со всеми наследниками престола – убить. Твоя смерть лишь дело времени, ибо все враги включая тех же персов, видят в тебе угрозу. Не только, но и единственного человека, способного продолжить укрепление империи. Когда я осознал, что нам придётся защищать твою жизнь и скорее всего это не удастся сделать – стал искать выход из положения. Вот тогда и пришла мысль устроить твою мнимую казнь и тем самым избавить от опасности. Пришлось и твою семью казнить, так как я предполагал, что ты пожелаешь забрать их с собой. А их исчезновение могло вызвать подозрение у наших врагов. Я хотел устроить твою казнь у стен Хрисополя, по этой причине и выставил условие. Я со всем основанием считал, что оно невыполнимо, но ты сумел расстроить мои планы, – император легко засмеялся чем вызвал улыбку у Криспа.

– Прости я не знал твоих планов и всё воспринял всерьёз.

– Всё получилось как нельзя лучше, хот ты и использовал весьма опасный способ, – заметил на это император.

– Следовательно, я уже мёртв? – Крисп устремил вопросительный взгляд на отца.

Император утвердительно кивнул.

– Для всех и навсегда. Отныне, ты никогда больше, открыто не

назовёшь своего имени. Я приготовил для тебя укромное и совершенно уединённое место. Ты отправишься туда сегодня ночью. В твоей смерти уверились все и потому, здесь тебе оставаться нельзя, иначе весь план может рухнуть. Туда уже отправлено золото. Там тебя ждёт двенадцатый легион. Они преданы тебе больше чем даже мне. Ещё ты получишь десять кораблей. Этих сил тебе будет достаточно.

-Что я должен делать? – весь облик Криспа выражал готовность следовать указаниям отца.

-Ты должен уничтожить всех наших тайных врагов и в первую очередь это касается культа Гекаты. Авсоний поедет с тобой и будет помогать во всём. Он очень умён и многое знает. Так же, поедут оба Скапулы. Старший поможет тебе построить город, младший возьмёт командование над легионом. Я верю им. Они будут тебе служить преданно. Ещё я дам тебе преданного человека, через которого мы будем держать с тобой связь. Отныне ты становишься тайным правителем империи, и можешь наказывать всех, кого считаешь нужным наказать. Но помни, – предостерег император, – даже в случае моей смерти, ты не должен прекращать своих действий. Твоя главная задача – уничтожать тех, кто несёт с собой кровавые раздоры и разрушение.

-Воля императора будет выполнена, клянусь!

Император видел перед собой непоколебимое лицо и твёрдый взгляд. Он одобрительно закивал и тут же снова заговорил. И эти слова стали своего рода очередным предостережением.

-Ты должен понять кто тебе будет противостоять. Для этого ты должен знать, как Максенций устроил культ Геты или лучше назвать его «Орден Антихриста», как называют христиане. Вот что мне удалось узнать, – продолжал с глубокой сосредоточенностью император, – орден состоит из частей, подобно тому, как легион состоит из когорт. Одна часть называется «Ищущие». Это те кто находит и приводит жертву к месту обряда. Попросту говоря, «убийцы». Вторая часть называется «стражами». Это те, кто охраняет всё, что касается ордена и обрядов. Третья часть называется «жрецами». Это те кто проводят жертвенные обряды.

-Палачи? – уточнил внимательно слушающий Крисп.

-Именно, – подтвердил император и продолжал, – четвёртая часть называется «патрициями», следит за врагами ордена и привлекает новых сторонников. Это самая малочисленная и самая могущественная часть ордена. В их ведение находится всё, включая золото и жизни людей. И последняя, пятая часть называется «кастралами». Эти люди опаснее всех прочих. Они готовят сами обряды и используют тела жертв. Для чего мне неизвестно. Они же занимаются предсказаниями и изготовлением ядов. Думаю, когда ты столкнёшься с ними, узнаешь гораздо больше того что я тебе рассказал. Мне же известно только это. Будь очень осторожен с ними, – в который раз предостерег Криспа император, – я несколько лет уничтожаю их, но так и не сумел добиться видимых успехов.

-Я всё понимаю, и буду осторожен. Не сомневайся во мне. Всё будет сделано как ты того и желаешь.

-Я и не ждал другого ответа, - император знаком показал, что разговор на этом закончен. - Ночью, перед твоим отъездом мы встретимся ещё раз. Поэтому я не прощаюсь с тобой.

Император собирался было подняться и уйти, но был остановлен словами Криспа.

-Могу я спросить?

Император молча кивнул.

- Скапула сказал, что отец Елены был убит тобой. Он прав?

Услышав эти слова, император помрачнел:

-Я не желал говорить тебе до отъезда, однако раз ты спросил...он был убит но не мною. Думаю, его убили те самые люди о которых я тебе рассказывал. Они же...похитили твоего сына.

-Мой сын похищен? - вскричал вскакивая Крисп. От резкого движения кресло опрокинулось.

Император встал и бросил на сына жёсткий взгляд.

-Да. Он пропал. И ты его найдёшь, ибо кровь, которая течёт в твоих жилах, должна быть сохранена на многие века.

Глава 21

Оставив Криспа, император вернулся в сад и продолжил прогулку. Сделав небольшой полукруг, он направился к большому шатру, разбитому посреди сада. У входа в шатёр стояли два стража, а между ними...Публий Скапула. Император жестом отпустил стражу. А потом пригласил Скапулу прогуляться с собой. Скапула молча подчинился. При этом он и не скрывал своего отношения к императору. В данный момент это выразалось в частых неприязненных взглядах. Оба шли почти плечом к плечу, мимо высоких деревьев с опавшей листвой. Высокий император в своей красной мантии и толстый Скапула в белой тоге. Они прошли совсем немного, когда неожиданно для Скапулы император рассмеялся:

-Поверь Скапула, я хорошо осведомлён о твоём отношении ко мне. Мне прислали твою речь произнесённую не так давно в Сенате. Мой отец насчитал тридцать девять слов, которые в той или иной степени оскорбляли меня.

-После казни Криспа, и после того как ты казнил Елену со своим внуком, я мог бы вполне произнести новую речь и ты бы насчитал гораздо больше слов.

-Ты всегда был смел Скапула, - император бросил непонятный взгляд на толстяка а в ответ получил взгляд полный ненависти. - Но умён ли?

-Легко называть меня «глупцом» когда у тебя сорок легионов, - отгрызнулся в ответ Скапула.

-Я всего лишь предлагаю тебе самому ответить на этот вопрос! - не повышая голоса сказал император.

-Ты сомневаешься в моём уме, Флавий? - Скапула умышленно опустил титул для того чтобы позлить императора. Но на того это не произвело должного действия.

-Суди сам, Скапула. Ты прилюдно осыпаешь меня оскорблениями. Поносишь как последнего раба. Тем самым ставя меня перед

выбором...простить или наказать тебя. Простить тебя я не могу, ибо это станет поводом для всех остальных которые сочтут себя вправе подражать твоему поступку.

-Остаётся убить, - Скапула насмешливо оскалился. - Ты всех убил кроме сенаторов. Мне льстит, что я стану первым.

Император легко засмеялся и бросил доброжелательный взгляд в сторону Скапулы, чем немало его удивил. У Скапулы даже на миг возникла симпатия по отношению к императору. Она продлилась ровно до того времени, когда он снова услышал его голос.

-Я решил не наказывать твоего сына, - сообщил император Скапуле и продолжал, - более того, Квинт будет возвеличен. Я дам ему звание легата и должность командующего двенадцатым легионом. Услышав эти слова. Скапула остановился. Он смотрел с глубочайшим изумлением на императора не в силах вымолвить ни единого слова. А когда появился голос, Скапула воздел руки к небу и гневно воскликнул:

-О Боги, видели ли вы императора более циничного чем Флавий Константин? По его приказу утопили весь легион, а теперь он решил назначить моего сына его командующим. Или ты таким способом сообщил мне о намерение утопить Квинта?

-Я думал ты будешь благодарен мне, - заметил император.

-Вели уж и меня распять на кресте. Тогда я смогу поблагодарить тебя за нас обоих, - в сердцах произнёс Скапула. Он собирался продолжить, но замолчал, увидев, как к ним направляется императрица. Фауста выглядела весьма торжественно. Смысл этой торжественности стал ясен когда она подошла к ним и с откровенным злорадством воскликнула:

-Скапула здесь. Пусть он станет свидетелем моих слов. Ты палач, - Фауста устремила презрительный взгляд на своего мужа. - Ты палач. И твоя участь стала гораздо худшей чем моя. Ты уничтожил всю мою семью, - обвинения хлестали императора словно пощёчины, - ты собственноручно вонзил нож в сердце моего отца. Ты убил моего брата. Ты убил сыновей моего брата. И я сполна отомстила. Ты и убил своего сына! Безвинного сына, - Фауста издевательски засмеялась прямо в лицо императору а потом закричала, - Крисп не был виновен. Это я пришла к нему и предложила тебя убить. Ты казнил невиновного.

услышав эти слова, император схватился двумя руками за голову и яростно вскричал:

-Будь ты проклята Фауста. Будь проклята. Что ты со мной сделала...

-Это ты проклят. Ты, Константин. Ты чудовище...

Заливаясь безумным хохотом, Фауста оставила их. Некоторое время император выкрикивал проклятия ей вслед, а затем убедившись в том, что она ничего не услышит, повернулся лицом к Скапуле и совершенно спокойным голосом произнёс:

-Знаешь что меня поражает больше всего? Эта женщина провела столько лет рядом со мной и всё ещё принимает за глупца? Ко всему прочему, она ещё и стала плохо видеть, иначе бы узнала голову своего любовника Уросия.

Заметив изумлённый взгляд Скапулы, император не без удовольствия заметил:

– Я мог бы стать неплохим актёром, но не представилось возможности.

Я поражён, – Скапула, наконец, обрёл голос и бросил на императора взгляд полный презрения, – как ты можешь быть как спокоен? Ведь ты казнил невинного сына!

– Поговорим о моих недостатках немного позже!

Император ушёл оставив Скапулу одного. Пока он собирался с мыслями, и пытался понять каких последствий следует ожидать, за ним явился страж. Скапула молча подчинился. Он не произносил ни слова до того мгновения как страж открыл перед ним дверь и он вошёл в комнату. И здесь его ждало подлинное потрясение, ибо он собственными глазами узрел...Криспа. Он очень долго смотрел на него. А потом в глубочайшем смятении пробормотал:

– Похоже...лодочник решил вернуть тебя обратно!

Глава 23

Поздней ночью, Крисп в сопровождении Публия и Квинта Скапулы, Авсония, поднялся на борт судна. Этому событию, предшествовал короткий разговор с императором. Как это ни удивительно звучит, но он дал им всем возможность начать новую жизнь. Именно об этом думал Крисп, когда судно медленно двинулось по проливу вдоль берега. Ещё он думал о том, где он будет искать своего сына. Он не сомневался в том, что найдёт его. Где бы его не прятали, он отыщет это место. Потом его мысли перешли к отцу...

– Отец, – прошептал Крисп.

– Он слишком мудр и слишком велик для нашего понимания, – раздался рядом голос Скапулы.

Лучше и не скажешь, – подумал Крисп.

Ближе к утру, судно бросило якорь в непосредственной близости от берега. Спустя некоторое время к судну подошла лодка. Вскоре после этого, Крисп с нежностью обнимал свою жену Елену. Публий Скапула лишь короткое время наблюдал за встречей Криспа и Елены. Его больше интересовала другая встреча – Квинта и Виталии. Оба долго стояли и краснея смотрели друг на друга. Потом так же тихо разошлись. Скапула только и мог поражаться такому поведению. У обоих на лицах была написана слово «любовь», но они так и не осмелились его произнести. Ничего, у него будет много времени для того чтобы разъяснить им некоторые, вполне очевидные вещи. Несколько дней спустя, судно вошло в маленькую гавань, где уже находились десять кораблей. Именно здесь, среди этих гор и лесов, в затерянном месте и предстояло построить новый город. И не только. Необходимо построить крепость, к которой нельзя добраться морем и которая могла стать надёжным убежищем в случае нападения. Крисп обязательно всем этим займётся, но только после того как найдёт сына. А пока, он стоял на носу корабля и махал рукой легионерам. Весь двенадцатый легион стоял на берегу. Они встречали Криспа. Они приветствовали новую жизнь...

ПОЛНАЯ ВЕРСИЯ БУДЕТ ДОСТУПНА В СОСТАВЕ ВСЕЙ СЕРИИ «ЧАША
ИМПЕРАТОРА»